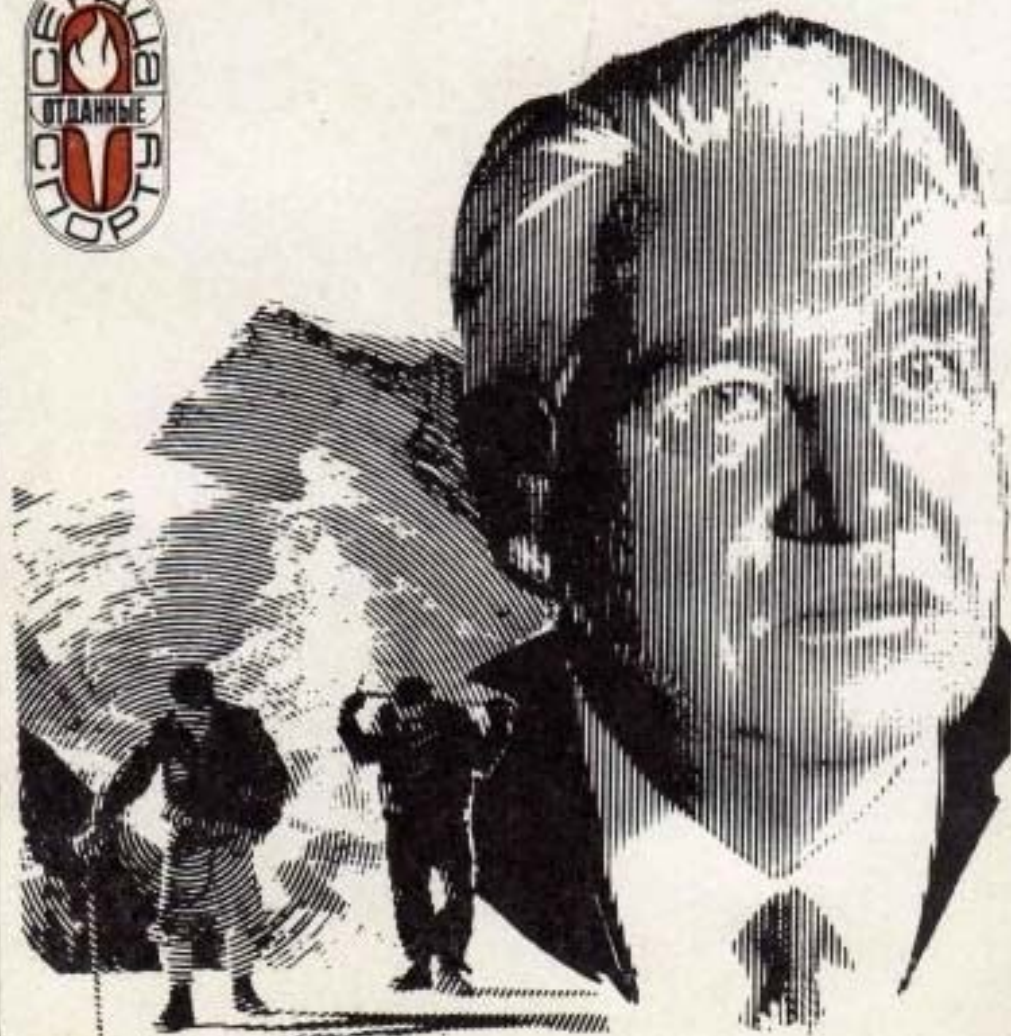

МИР ЖЕНАВЕА

Е. Симонов

Пик Летавета. Симонов Е. Д.

Физкультура и спорт, 1974. — 152 с. — (Сердца, отданные спорту).

Предисловие

К первой вершине из многих

Здесь рядом был город

Я изучал латынь в гимназии

Ему всегда нравился август

Дружба с поэтом полная волнений

Ему пришлось надеть шинель

У коллеги трудные условия труда

Летавет читает строки поэта о Николадзе

Когда настали трудные дни августа

В горах не обойтись без пневмокостюма

Путь многих мастеров спорта

Страна под Эльбрусом

Белый снег на хребтах гор

На санях между Сваном и Ушбой

Год пути до Ушбы

Летавет на горах Сваны

Здесь живет большая часть народа

Молнии над селением Кавказа

Вершина на главном пути Николадзе

Книга о покорении горных вершин

Сегодня необходимо создать общество по развитию туризма

Гора Эльбрус гордость Кавказа

Штурм Сидоренко Эльбруса

Альпинисты очень любят Эльбрус

В неведомых теснинах Памира

Самолет с экспедицией огибает столицу

Духовные хранители гор обещают здоровье

Гостеприимные таджики из Пашимгара

*Альпинисты перед началом экспедиции Только человек может пройти
через трещину хребта*

Здесь сходятся небо с землей

Рассказ об экспедиции в сердце Тянь-Шаня

Погребецкий и Летавет думают о грядущем восхождении

Здесь может пройти не каждый

Трудная вершина Хан-Тенгри

Старик рассказывает о горах Тянь-Шаня

Отдых альпинистов в долине

Яркие цвета Средней Азии

Солнце съедает метровый снег

У врат тысячелетних тайн
Много гор в истоках Иныльчека
Крупный пик к западу от Хан-Тенгри
Яркая звезда на черном небе
Мы достигаем верховье Талдысу
Новая прекрасная вершина среди хребтов
Сила молодежи покоряет горы
След каравана между гор
Караванщики показывают пик Гэсэра
Память о восхождении на западный купол
Новая вершина превышающая Хан-Тенгри
Глубокие трещины на глыбах льда
Вершины, засыпанные снегом вокруг узкого перевала
Горы к югу от Хан-Тенгри
Древний ледник впадает в озеро
Трудная акклиматизация на большой высоте
Жуткий холод проник к Альпинистам в палатку
Нарды с тяжелым грузом по рыхлому снегу
Поднимаем вещи веревкой по склону горы
Шуршание полотнищ на сильном ветру
Снег и облака на широком плато
Тяжелый рюкзак Гожева
Десять условий трудного восхождения
Гутман и Летавет идут по трудному леднику
Исследователи перед восхождением на горную вершину
Год на высокогорном мраморном хребте
Экспедиция на гребне горы
Ходит ли в горы умный
Результаты предпринятой тянь-шаньской экспедиции
Перед восхождением научной экспедиции на пик
Восхождения без рекордов
Летавет встречает героев вершины
Восхождение после Эльбруса
Мастера спорта награждены государственной премией
Мастера России здесь каждый год
Знаменитые мастера спорта по альпинизму
Храбрый отряд альпинистов в Перу
Главный эпидемиолог русского департамента
Когда нас ждут в высоких горах
Три увлекательные поездки в Перу

Предисловие

Наши первые встречи с Августом Андреевичем Летаветом относятся к кажущимся теперь такими далекими двадцатым годам. Именно тогда сплотившиеся вокруг Н. В. Крыленко, отозвавшиеся на призывы «Комсомольской правды» активисты с предприятий, студенты, молодая русская интеллигенция «взорвали», по выражению Крыленко, дореволюционное, замкнутое в своей работе РОТ (Российское общество туристов). Возникло создававшееся на иных организационных и идеологических основах, массовое по размаху, общедоступное по уставным требованиям ОПТЭ (Общество пролетарского туризма и экскурсий).

Деятельное участие в его работе принимали и наши ученые, объединившиеся в турсекции Московского Дома ученых. Всем нам памятли такие энтузиасты, как И. Е. Тамм, Н. Н. Аделунг, А. Н. Фрумкин, В. В. Немыцкий, Н. К. Бари и, конечно же, А. А. Летавет.

Мне довелось на протяжении не одного десятка лет встречаться с ним не только на научных сессиях и конгрессах, где он с неизменным достоинством и авторитетом представлял русскую науку. В данной книге, хотя и выпускаемой специализированным спортивным издательством, освещается и эта, определяющая его жизнь, сторона деятельности. Мне пришлось наблюдать Августа Андреевича и на подмосковной лыжне, шагать с ним по уходящим в заоблачную высь ледникам Памира, форсировать бурные горные реки.

Туристы и альпинисты говорят, что человек познается в трудностях совместного похода, тех испытаниях, которые, подобно чувствительной лакмусовой бумажке, раскрывают подлинный, если так можно выразиться, глубинный характер человека, иной раз на Большой земле так до конца и не раскрывающийся.

В экспедициях в самые труднодоступные отдаленные районы, в первую очередь высокогорного Тянь-Шаня, – а их было у Летавета более десяти – начало спортивное неизменно сочеталось с исследовательским. Большой и глубокий ученый, физиолог и гигиенист, он делегат и докладчик на Географическом съезде, автор многих работ, которые выходили не под маркой медицинских издательств, но были посвящены новым открытиям в области геоморфологии, гляциологии. Здесь Август Андреевич продолжал ту энциклопедическую линию, которая отмечала деятельность энтомолога В. Ф. Ошанина, паразитолога Е. Н. Павловского, физиолога Л. А. Орбели.

Выходящая в серии «Сердца, отданные спорту» книга Евг. Симонова посвящена по преимуществу спортивным страницам славной жизни А. А. Летавета. Она прослеживает его путь в жизни, в научной деятельности, к вершинам, которые столь успешно покорял он не только в далеких хребтах, но и в науке и даже в художественном творчестве. На многих фотовыставках в Доме ученых признанные мастера художественной фотографии воздавали должное домбайским либо иньльчекским этюдам А. А. Летавета. Еще одна сторона его многогранной деятельности.

Многие медики-практики, исследователи, альпинисты вышли из школы Летавета, хотя ею были не только клиники институтов усовершенствования врачей или лаборатории возглавляемого им института, но и морены великих глетчеров и даже холодные снега вершин. Это школа пытливости, патриотизма, преданности интересам Родины и народа.

К первой вершине из многих

Они опять собрались в Пскове. Конечно, они могли видеться и в Москве или в каком-нибудь другом месте, да многие из них уже не раз за эти годы встречали друг друга на жизненных перепутьях. Такова, видно, судьба всех занятых людей – в основном их сводит вместе и разводит дело.

В Пскове у них не было дел. Здесь было детство. И лежа в купе, просматривая еще раз приглашение на 180-летний юбилей своей школы, каждый из них мысленно отсчитывал десятилетия, отделявшие его от того удивительного времени, когда он не без гордости носил фуражку с кокардой Псковской губернской гимназии.

И вот они снова вместе в родных стенах. И совсем как в день приезда Тараса Бульбы в Запорожскую Сечь, целовались и истово хлопали друг друга по плечам, стараясь показать, что есть еще порох в пороховницах, и тихим словом поминали тех, кто уже никогда не придет на встречу.

Ох, как много утекло времени и воды с того памятного 1912 года, когда выпускник, золотой медалист Август Летавет ушел отсюда с аттестатом зрелости. Сейчас он снова чувствует себя прежним Густиком, мальчишкой – этот маститый академик с седой шевелюрой и лауреатскими медалями на пиджаке. Может быть, потому, что рядом с ним весело вспоминают прошлое Исаак Кикоин, ныне академик-сотрудник одного из физических институтов Академии наук, и Володя Брадис, ставший-за это время крупным математиком, автором всемирно известных «таблиц Брадиса», и Виктор Друзин, профессор-литературовед...

Нынешние школяры, поглядывая на этих людей, только дивились и не слишком верили, что столь солидные и серьезные дяди сидели в их классах и, может быть, вырезали на откидных крышках парт свои имена. Им в голову не приходило, что «дяди» в глубине души робеют перед ними. Потому что для взрослого умного человека нет ничего страшнее, чем ощущение пропасти, отделяющей его от нового поколения.

Это ощущение испытал Летавет, когда директор просил его выступить перед ребятами: «Поверите ли, всю ночь не спал. Вдруг, думаю, не найду общего языка». О чем станет он говорить? О своей науке – гигиене и ее роли в жизни людей,

о снижении профзаболеваний и тому подобных материях? О своих недавних поездках по Европе?

Когда он пришел на урок и увидел вблизи настороженные, далекие от него лица подростков, только тогда окончательно решил, о чем будет говорить.

Начал не сразу. Добрая улыбка осветила его лицо с коротко подстриженными усами, круто выступающими скулами, нависшими надбровными дугами. С первых же слов он перенес старшекласников в мир больших высот и сильных чувств, бывший чем-то сродни миру Грина, Рериха, Экзюпери. И – он хорошо это знал – близкий душевному настрою сидевших перед ним ребят, хотя, может быть, никто из них не видел настоящих гор. Он говорил о схватке человека с вершиной, которая становится и борьбой с самим собой, о покорении тех высот, которые еще недавно считались доступными разве что авиации.

Здесь рядом был город

Пожилой человек, академик преобразался на глазах. Он весь спружинился, напрягся. Это был уже не лектор, но вожак, который зондирует штычком ледоруба нависший над пропастью снежный мост и вот-вот обернется и скажет: «Можно! По-одному...»

И класс уже слышал грохот лавин и видел тех, кто хаживал на одной веревке с этим человеком, и понимал, что это, конечно, не боги, а люди, но они могут такое, что и не снилось богам.

Так вот почему рядом с высшими русскими наградами, рядом с лауреатскими значками на пиджаке гостя видят они значок заслуженного мастера спорта. Такой же, как, скажем, у Льва Яшина или Вячеслава Старшинова.

– Какой из пройденных вами, Август Андреевич, маршрутов считаете вы самым трудным? – спросили его в конце урока.

– Пожалуй, путь от незнавшего ни одного русского слова босоногого латышского паренька-свинопаса из хутора Сenu ли до академика...

– Расскажите, пожалуйста.

Вот так задача! Как расскажешь о «маршруте» целой человеческой жизни? Разве только об отдельных этапах, которые так четко стоят перед глазами, будто все это происходило вчера.

На хуторе, недалеко от Риги, началась «карьера» Летавета. Здесь он пас свиней и бегал в приходскую школу. Здесь с веселой ватагой мальчишек совершил первое свое восхождение. Не смейтесь, гора Гайзинькалнс, верстах в пяти от Сenuли, – не простая гора: высшая точка Латвии. Думал ли белобрысый Густик, карабкаясь по этой поросшей дроком и вереском возвышенности высотой всего-то в три сотни метров, что ему предстоит штурмовать высоты, измеряемые многими тысячам метров?

Подошел день, когда мама отерла передником слезы, а отец насупил густые брови: Густика отправили в гимназию, в русский город Псков, который кое-кому из хуторян представлялся далеким и чужим.

Покладистого парнишку из Сenuли гимназисты «четвертого Б» встретили дружелюбно. Здесь вообще не признавали «цуканья», которым в иных учебных заведениях так доводили новичков. Да и сам город, первый, который он увидел в своей жизни, поправился Августу.

Псков тех времен совсем не был замшелой в косности провинцией. К этому обязывала вся его история центра западной окраины Руси, едва ли не первой принимавшей на себя удары всевозможных завоевателей.

«Какая нам польза возлюбить тому паче света или паче чести – бесчестие...

Но ведай, не покоримся перелестным твоим глаголам и един из самых малодушных в городе Пскове такого совета не примет. Но готов идти с нами на брань».

Учитель истории Коржавин не без пафоса произносил эти слова из ответа псковичей Стефану Баторию, требовавшему сдать осажденный город.

На этой земле похоронен Пушкин. Тут жил и творил Римский-Корсаков... Традиции высокой культуры благотворно влияли на духовную жизнь города. И Август с благодарностью воспринял это влияние.

Я изучал латынь в гимназии

В нашей книге публикуется редкая фотография, относящаяся к этой гимназической поре, она изображает двух одноклассников – Тынянова и Летавета. Другой их сотоварищ по гимназии, которая нежданно-негаданно из «Псковской губернской» была переименована в «имени Александра Первого Благословенного», учившийся в одном классе с ними Лев Зильбер (о нем ниже) вспоминает:

«Нас было трое близких друзей в гимназии: Юрий Тынянов, Август Летавет и я. Дружба была крепкой, сердечной. Хотя мы были разные, совсем непохожие друг на друга. Очень организованный, сосредоточенный, терпеливый, прилежный Летавет, вспыльчивый, непримиримый, начитанный Тынянов – они прекрасно учились, почти на круглые пятерки, оба великолепно знали латынь. Я отставал от них во всем, а латынь остро ненавидел. Зато я неплохо танцевал и играл на скрипке. Летавет был блондин с румянцем во всю щеку. Когда он рассказывал что-нибудь смешное, его громоподобный смех начинал раздаваться задолго до окончания рассказа».

Псков, как замечает тот же Зильбер, «был городом молодежи»: помимо мужской три женских гимназии, землемерное училище, кадетский корпус, реальное училище и др. Да, в древнем граде на слиянии рек Великой и Псковы

задавала тон молодежи. Она и привила Августу раннее ощущение самостоятельности. Ведь и начинался его путь с того, что, куда бы ни адресовал он прошение о приеме в гимназию, отовсюду – из Риги ли, Ревеля, Митавы, Нарвы – приходил одинаковый, словно написанный под копирку, трафаретный отказ: «За отсутствием вакансий». Что же так?.. «Очень даже просто, – пояснил он, – прибалтийские немцы не хотели допускать к образованию латышей, да еще из мужиков. Из Пскова же сразу пришло приглашение – прибыть на вступительный экзамен. Власти были заинтересованы в приобщении ко всему русскому».

После первой четверти его вызвал инспектор классов Роцин:

– Гимназист Летавет, – начал он, как всегда держась за щеку, и наставительно ткнул в графу дневника «Подпись родителей либо лиц их заменяющих».

– Запомняли, молодой человек, вернули табель неподписанным-с.

– У меня же, Павел Андреевич, подписывать некому. Живу один, снимаю комнату у хозяйки. Родители далеко отсюда.

– Ничего не понимаю, сударь мой. Кто же в таком случае изволит вас воспитывать?

– Пожалуй, никто! Сам за себя в ответе. Сам себе и воспитатель, если угодно!

– Это уже совсем непозволительно. Это просто немисливо. Какой-то нонсенс. У кого, к примеру, отпрашиваетесь, уходя из дома?

– Ни у кого.

– Ну, знаете, вы ставите нас в нелегкое положение. Я бы сказал, в неприличное. Единственно возможный выход: забрать вам свои бумаги, покинуть гимназию. Не можем мы держать в стенах казенного учебного заведения молодых людей, которых так-таки никто и не воспитывает. Честь имею!

Ему всегда нравился август

Наутро Летавет положил на стол в учительской подписанный табель. Целковый надбавки к плате за комнату, и квартирная хозяйка, не задумываясь, вывела свою закорючку. «Мне же, – рассказывал старшекласникам на встрече Летавет, – так и пришлось прожить, прямо скажем, достаточно большую жизнь невоспитанным». Гм, гм, не очень, быть может, дидактично, зато правдиво».

Есть у англичан выражение, которое на русском звучит примерно так: «Человек, сделавший себя сам». Таким человеком можно назвать Летавета.

Конечно же, на этом этапе своего жизненного пути Август во многом делал себя сам. Но не меньше, если не больше, делали те, с кем общался он в ученические годы: школьные товарищи. На друзей ему везло. Среди них были и Лев Зильбер, будущий академик, создатель вирусной теории рака, и Юрий Тынянов, будущий теоретик, литературовед, автор «Кюхли» и «Смерти Вазир-Мухтара», наконец, Вениамин Каверин, тогда «приготовишка», а впоследствии автор знаменитых «Двух капитанов», «Исполнения желаний» и других известных книг.

Ветер свободолобивых идей вривался и в гимназию, сеял в молодых головах и душах зерна бунтарства.

Каким-то чудом сохранилась у академика школьная тетрадь в плотной синей обертке. На обложке заголовок: «Фальшь учения мира по «В чем счастье», «Казакам» и другим произведениям Л. Н. Толстого». Думал ли юноша, когда цитировал и развивал толстовские строки («Труд есть необходимое условие жизни человека и труд дает благо человеку»), что сам он проявит себя и великим тружеником, а труд и человек в труде станут краеугольным камнем науки, в создание которой вложит он со временем немалый вклад.

А тогда учитель-словесник Владимир Иванович Попов, составитель популярной хрестоматии «Отблески», который задал это домашнее сочинение на вольную тему, подозвал Августа и сказал:

– Никому не показывайте того, что написали в этой тетради, мой юный друг. Надеюсь, уловили мою мысль? Никому!

Но вот Август – уже не отрок с робостью провинциала. Он не боится поспорить до хрипоты о Блоке и Бальмонте, модных тогда Арцибашеве и Вербицкой. Много дало ему общение с единомышленниками, любившими его за простоту, ясность, прямоту, трудолюбие.

– Не двинуть ли, любезный друг Августхен, на летние вакации в мою патриархальную Реягацу? – прогуливаясь в городском саду, предлагает ему подчеркнуто подтянутый шатен, с большим сократовским лбом, курносый, с темными глубоко посаженными глазами, умеющими быть одновременно и задумчивыми, и пронизательными, и не расстающимися со смешинкой.

– Боюсь, не стеснить бы Юша.

– И хочется и колется, – развивает недосказанную собеседником мысль Тынянов. – Конечно же, нет. Медицинская практика у папочки богатая. А мы ему не помеха. Будет рад гостям.

И вот он в городе, где, словно в живом заповеднике, истово блюдущие свой закон староверы соседствуют с библейского типа евреями. Но что до этого молодым?

Дружба с поэтом полная волнений

...Рассказывают, как на упомянутой юбилейной встрече вместо академически обстоятельных штудий о Тынянове-теоретике, литературоведе, историке слово попросил медик. Начало его воспоминаний слушалось со снисходительной вежливостью, точнее сказать с безразличием. Но после были

выхвачены блокноты, а кто-то даже записывал сказанное на обороте пригласительного билета. Летавет извинился, он меньше всего претендует на роль историка русской литературы, не его это сфера как ученого. Но он хотел бы как человек, который так дружил с Юрием Николаевичем, – лично для него он навсегда остался «Юшей», – он хотел бы уточнить кое-что.

Он напомним, к сведению присутствующих, что Тынянов начинал в литературе как поэт. «Он был наш гимназический поэт. Мы очень любили его стихи, многие из них заучивали наизусть. Это была лирика, быть может, наивная, с налетом безотчетной грусти, исполненная юношеских волнений и мечтаний.

– Вот одно из тех стихотворений мне и вспомнилось:

Волны баюкают ласково, ласково Лодку мою...

Бросивши весла от берега вязкого,

С ветром плыву и пою.

Дрожь водяная, отлитая золотом,

Словно кровавые слезы блестит.

Небо пылает над скованным городом,

Город притих и молчит.

...Ты снова со мною сидела,

И взором смотрела родным,

И тихо и ласково пела,

Как мать над ребенком больным...

Или вот кусочек другого – про Псков:

Над старыми башнями звезды сияют

И льют голубые огни,

А башни безмолвно и гордо внимают

Трепещущей звездной любви...

– Дальше, к сожалению, не помню. За полвека немудрено и позабыть. Эта юношеская дружба с горячими спорами обо всем, что нас с Юшей волновало в те годы, спаяла нас, помогала нам пройти с ясным взглядом сквозь полную волнений юношескую жизнь, помогала и учиться.

Дружба с ним помогла Летавету определить и себя. Рядом с тем, что писал Юша, писанное Августом, чем он втайне так гордился, показалось ему бледным, напетым с чужого голоса.

Ему пришлось надеть шинель

Осень тысяча девятьсот двенадцатого года застаёт его в Петербурге. На юноше схожая с юнкерской шинель, офицерская фуражка Военно-медицинской академии.

– Па-прошу господ слушателей, – наставляет ротный, – завидев офицера, первому приветствовать его отданием воинской чести. Завидев же издали шинель на красной подкладке и генеральскую фуражку, не забыть за три шага встать во фронт перед их превосходительством.

Они, будущие медики, как думалось ему, коллеги таких прославленных русских военных врачей, какими были Пирогов Или Даль. Почему же тогда помимо анатомички, поликлиник, аудиторий нудная шагистика на плацу, зубрежка уставов? Когда же сокурсник Марковин не отдал с положенной быстротой честь офицеру, тот ударил его шашкой по лицу. Можно ли стерпеть такое, смолчать?

Август участвует в забастовке и митингах. Следуют исключение, «волчий билет» неблагонадежного. Только через год после долгих хлопот Летавет получил студенческий матрикул медфака Первого Московского университета.

Дальше события властно определяют судьбу Летавета. Сначала он полковой врач действующей армии. Потом едет принять Шептуховский участок в далеком углу Курской губернии. Трудные годы. То в одном, то в другом селе вспыхивают эпидемии. С юга угрожают войска кайзера,

банды атаманов. Лаконично и точно во время объезда района обстановку обрисовал Летавету кучер Игнат:

– С того края немец, с этого наши, а посередке, в Новой Александровке, холера. От ее и помер наш прежний доктор.

Наступление деникинцев заставило его эвакуироваться в Москву. Памятный девятнадцатый год. В коридорах Наркомтруда встретились два товарища по университету..

– Никак, Летавет? – крепко пожимает ему руку Сергей Каплун. – Но где же кудри русые?

– Сыпняк забрал.

– Где работаешь?

– Приехал за назначением.

– Послушай, Август, а почему бы тебе не взяться за промышленную гигиену? Новое дело, громадные перспективы. Хватка у тебя есть. Работоспособность завидная. Давай «пять» и берись!

Летавет молча протянул ладонь. Еще на медфаке Сергей был вожаком революционно настроенных студентов, верить ему можно.

У коллеги трудные условия труда

Месяц спустя выехал он обследовать условия труда зольщиков на подмосковной электростанции «Электропередача». Под сводами полуосвещенного тоннеля духота, угар, носоглотку забивает взвешенная в воздухе зола, глаза слезятся от газа. Навстречу кочегары катят тачки с золой. Опущенные головы, блестящие от пота обнаженные спины, надрывный кашель.

Летавет решил обратиться к Г. М. Кржижановскому. Тот выслушал с интересом, обещал помочь. Последовавшее затем сокращение рабочего дня для рабочих вредных профессий показало молодому инспектору, что и до его дела доходят

руки у правительства, которое не случайно зовется рабоче-крестьянским.

Коллега Летавета по медицине А. Цессарский рассказал о начальном этапе пути ученого, когда Август Андреевич изучал, «как осуществляется теплообмен между человеком и средой в горячем цехе». Ведь работающий человек и сам является источником тепла. За час организм вырабатывает его столько, что можно вскипятить три литра воды. А тут еще высокая температура окружающей среды. Куда и сколько человеку отдать тепла, чтобы его организм не перегревался?..

«Помимо всего прочего, судьба счастливо сводила меня с замечательными людьми», – вспоминает Август Андреевич. В гигиене труда для него таким наставником станет Вячеслав Александрович Левицкий. В историко-биографическом атласе «Ленин» на план Москвы нанесен схематично изображенный домик. Здесь, в одном из ведущих к реке Ростовских переулков, бывал

Владимир Ильич у доброго друга всей семьи Ульяновых врача Левицкого.

Портрет его поныне глядит на вас со стены лаборатории промышленного микроклимата, которую после Левицкого и Летавета возглавила коллега п жена Августа Андреевича, доктор медицинских наук Александра Евдокимовна Малышева.

...Тридцатые годы. Страна подымает металлургию.

Левицкий: Мы уже касались с вами, мой молодой коллега, проблемы тепла. Я уверен, что Веесенха не ограничится восстановлением того, что имели Гужон, Юз, Путилов, Продамет, иные заводчики. Товарищ Серго держит совет с Павловым, Бардиным, Курако. Лозунг «Даешь металл русской марки» значит и новые, повышенные мощности.

Летавет: Мы уже включили в план тему «Теория влияния лучистого и конвекционного тепла». Собраны первые

материалы в цехах. Но их еще мало. Представьте себе, Вячеслав Александрович: металлургия насчитывает, судя по археологическим источникам, не одно тысячелетие, а нет не только действенных средств борьбы с профвредностью, но хотя бы сводных данных по климату горячих цехов.

Левицкий: Вы лично уже продвинулись, милейший мой Август Андреевич, дальше, чем весь корпус фабричных инспекторов Российской империи. Мы уже можем дать, пусть в первом приближении, совершенно конкретные рекомендации и промышленности и медицине.

А ваши предшественники? В вашей памяти, без сомнения, не могли не запечатлеться и купринский «Молох», и «Тоннель» Келлермана. Ведь это же, равно и многие главы романов Золя, – настоящий обвинительный приговор капитализму. Но пока не грянула социалистическая революция, не были экспропрированы экспроприаторы, условия труда не менялись, да и не могли измениться. Ваше резюме, – он показал подчеркнутые красным карандашом абзацы летаветовского доклада, – свидетельствуют о фундаментальном значении ваших выводов.

Летавет удовлетворенно хмыкнул... Они уже установили, что в тепловом спектре металлургических цехов преобладает инфракрасное излучение. Значит, будем изыскивать способы воздействия прямо на него. Оградим тех, кто варит чугун и сталь, которые газетный репортаж тех лет называл «позвоночным столбом индустриализации».

Летавет читает строки поэта о Николадзе

Отправившись в эти годы в один из первых своих походов по Хеви и Сванетии (о них ниже), Летавет встречает близ духана «Сам придешь» и заинтриговавшей его, хотя бы как медика, вывески «Собственное молоко мадам Акопьян» высокого, стройного грузина с черными как смоль волосами.

– Николадзе.

- Летавет.
- Мы с Казбека в Коби.
- А мы из Коби на Казбек.

Оба дружно рассмеялись. Беседа была недолгой, хотя Летавет уже знал, что победитель сокольских турниров в Праге, организатор спортивных выступлений на ртвели, приуроченных к сбору винограда народных праздниках в Алавердах, – Николадзе был и одним из создателей русской металлургии.

Тем горше было прочитать строки И. П. Бардина о Николадзе: «Он умер от воспаления легких, от нашей профессиональной болезни, простудившись на работе». (Николадзе сутки не выходил из цеха завода ферромарганца в Дидубе, где ураган сорвал крышу над опытной печью). И здесь та же напасть: профессиональная болезнь. Словно у больного малярией, адская жара у печи и ветер и мороз за спиной... Еще одна проблема.

Тому, кто хотел бы усвоить стиль работы Летавета, многое показалось бы непривычным... У него, директора крупнейшего в мире института гигиены труда и профессиональных заболеваний, не было даже приемных часов «от» и «до» (хотя они четко обозначены на соседствующих с директорским кабинетах бухгалтерии, отдела кадров). А ведь ведомый Августом Андреевичем институт – это 800 штатных единиц, более тридцати отделов, лабораторий, научных кабинетов, стационаров.

Дома, рядом со скульптурой альпиниста (работа его соратника по восхождениям Евгения Абалакова), за хребтами присланных на отзыв диссертаций, лавинами пригласительных билетов – сессии, симпозиумы, конгрессы – глубокое, потертое кресло. Оно уже явно утратило первоначальный облик. Но оно, как побывавшая па перевалах и вершинах, обжившаяся на ноге обувь. Ведь ни турист, ни альпинист не отправятся на сколько-нибудь

серьезное предприятие в новеньких, приятно поскрипывающих и хранящих первозданный глянец ботинках.

Он сидит иной раз, опустив глаза, не реагируя на окружающее. Как правило, шевелятся лишь губы. Недвижны положенные на кресло руки. И вдруг резко встает, пишет несколько абзацев и даже страниц. Как правило, набело, без последующей правки. Ведь он знает, что хотел высказать. Продумал и как выразить. Слова, бумага – только передатчик сложившихся мыслей. Память его вызывает восхищение: по сей день отчетливо различает на слух, где «е», а где «ять».

Так он работал и изучал условия труда тех, кто добывал тогда еще во многом загадочный радий. За ним и впервые расщепленный атом. Кое-кому его первые экскурсии казались малоперспективными. Теперь доказывать его взгляд из прошлого – значит ломиться в открытую дверь. От созданной Летаветом первой лаборатории отпочковались отделы Института биофизики. Заслуги же Августа Андреевича были отмечены орденами, удостоены Государственной и Ленинской премий, список трудов перевалил за сто пятьдесят.

Когда настали трудные дни августа

Когда, возвращаясь из Внукова, вы мчитесь мимо неоновой вывески «Изотопы»... Когда повернете выключатель – и вспыхнет свет, выработанный атомной электростанцией... Когда завидите в арктических морях легко взламывающий паковые льды ледокол «Ленин»... Когда в Дубне с почтением и трепетом озираетесь на аншлаги – не заходить за обозначенные оградительные линии... Когда вы только приблизитесь в этому миру, вам, быть может, пояснят, что в те же дни, когда творили теоретики, колдовали экспериментаторы, люди в белых халатах искали защиту от выпущенного из бутылки джина.

Одним из них и был Летавет.

– По самой сути своей он ученый многопрофильный, – сказала нам Александра Евдокимовна Малышева. – Нет ни

одной области труда, к которой бы не прикоснулись Август Андреевич или его ученики.

– Видимо, уместно сказать и о том, что заболевания, которые следовали неизбежной мрачной тенью за такими профессиями, как наборщики (свинцовое отравление), цементщики (силикоз), кожевники (сибирская язва) и другие, стали страницами истории.

– Могу указать на такой, если хотите, курьез. Меня просят обеспечить демонстрацию студентам больных с типическими признаками свинцовой колики, свинцовой каймой на деснах. А где их взять? Нет и в помине, как нет и больных литейной лихорадкой.

– Видимо, Августу Андреевичу нужно было в силу необходимости браться за изучение многих отраслей промышленности?

– В этом плане мы – гигиенисты труда резко отличаемся от общей тенденции развития медицины узкого профиля. Ее отличает все более дробная специализация; такие ученые, как Август Андреевич, должны оставаться энциклопедистами.

В напечатанном в газете «Правда» отчете со Всесоюзного совещания актива работников здравоохранения мы прочитали:

«Действительный член Академии медицинских наук России профессор А. А. Летавет сделал доклад об охране труда и необходимых защитных мероприятиях при работе с радиоактивными изотопами и излучениями, подчеркнув большую роль санитарной пропаганды. Она должна дать правильное представление о действии радиоактивных излучений, показать, что при проведении необходимых профилактических мероприятий, соблюдении правил личной гигиены и при надлежащей культуре труда, работа с радиоактивными веществами и излучениями может быть столь же безвредной, как и всякая другая работа» (1956 г.).

В горах не обойтись без пневмокостюма

«Как и всякая другая»... Надежная защита от облучений... От кобальта-60. Вспомнились рассказы наших туристов, вернувшихся со Всемирной выставки в Брюсселе... В одной из витрин – пара перчаток Марии Кюри. Нет-нет, не лайковые перчатки, приличествующие молодой даме, только защитные перчатки, в которых работала она с радием. Когда же? Более полувека назад. Но и поныне поднесенный к перчаткам счетчик Гейгера нервно вздрагивает, издавая предостерегающее потрескивание. Ведь полураспад радиоактивных изотопов измеряется сотнями лет, тысячелетиями. А первыми защитными приспособлениями могли бы пользоваться разве только атлеты второй тяжелой категории на уровне Алексева либо Жаботинского. Вес освинцованных перчаток, которыми только и можно было надежно защитить руки Марии Кюри, свыше пуда (семнадцать кило), очков из свинцового стекла – три килограмма.

Летавет с подготовленными им же сотрудниками группы индивидуальной защиты, доктором медицинских наук С. М. Городинским, З. С. Четвериковой, в содружестве с физиками да конструкторами начали с тактики активной обороны... Джина – сиречь радиоактивное вещество – изолировать в капсулу, в бетонный контейнер. Управлять процессом не иначе как дистанционно, на расстоянии. Как на каждое усиление огневой силы стволов артиллерии металлургия отвечала новыми марками брони, так и здесь создавалась своя защитная броня.

За два-три года до американцев и англичан у нас испытали подобие водолазного скафандра, так называемый пневмокостюм. Мы читаем сейчас о бытовых костюмах будущего, их не будут шить, но клеить, выплавлять, как отливают из пластика прямо на ноге слаломиста горнолыжную обувь. Таким цельносварным, без шитва, без швов, даже без клея и стал первый многослойный пневмокостюм на основе высокочастотной сварки.

Одним из первых его, на сей раз неофициально, испытал боевой корреспондент «Комсомольской правды» Леонид Репин. Облачился в оранжевый, не легкий, но легчайший, почти невесомый пневмокостюм, сквозь шлюз прошел в аэрозольную камеру. «Потом заработал генератор и я услышал, как разом включились счетчики Гейгера, и, должен сознаться, их бодрый треск не вызвал во мне особого энтузиазма. Зато я заметил, что Мне почему-то захотелось двигаться очень медленно и осторожно, как будто это поможет обойти что-то невидимое и опасное, что здесь всюду вокруг» (Л. Репин).

Потом еще одно испытание – каков жизненный ресурс костюма? Перекрыли подачу воздуха, но человек жил, и дышал, и действовал, пока выделенная организмом углекислота не потребовала чистого воздуха. В костюме его хватает на три-пять минут, но Репину «очень хотелось не посрамить марку газеты и просидеть без воздуха десять минут – столько, сколько сидели самые терпеливые из испытателей».

Со временем мы узнаем и о многих других работах Летавета и созданных им коллективах, которые он вел и ведет к тем высотам, что не легче и не безопаснее тьян-шаньских семитысячников. И путь к ним надо считать не менее рискованным, чем тех, кто в белых халатах идет на чуму и черную оспу в Азии и Африке.

Во всех своих практических и теоретических изысканиях Летавет никогда не забывал об одной из основ человеческого здоровья – физической культуре, спортивной закалке и тренировке.

Он сам многим обязан спорту, туризму от легкого воскресного – прогуляться по каньону реки Баньки близ подмосковной станции Опалиха – до восхождения на домбайскую вершину Софруджу и спуска с нее па лыжах. На себе самом он ставит как бы затянувшийся на десятилетия эксперимент.

Путь многих мастеров спорта

Когда Августа Андреевича свалил, начисто лишив подвижности, малоизученный в те годы недуг, он искал исцеления не только в терапии. «Не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой. Двигайте тогда их насильно, черт подери!» Прошли недели. «Могу всего лишь поднять руки. Это уже что-то: закрепите, пожалуйста, над койкой палку. Так-так! А теперь, Август, припомни-ка гимнастические залы «Сокола» и Турнферейна, подтянись, еще разок, еще десять».

Так приводил он себя в агрегатное, как выразился сам, состояние. И когда сейчас вы видите его размашистый скользящий ход по лыжне, едва ли догадываетесь, что этого человека родная ему наука приговорила к инвалидному состоянию безнадежного хроника.

От далеких предков, что первыми возделывали скуповатую и неподатливую землю Прибалтики, унаследовал он упорство и трудолюбие и, быть может, потому избрал из многих видов спорта альпинизм, что путь к вершине прокладываешь трудом. Руби ступени, готовь площадку для бивуака, возводи вал из камней, создай подобие мелиорации, вырой снежную пещеру... Обработай маршрут, обезопась его от камней, огради себя от селей и лавин. Весь путь альпиниста – это труд и пот, но труд поэтический, вдохновенный, с полной самоотдачей. Именно такой, какой по душе Августу Андреевичу Летавету.

Одна из последних работ Летавета – «Научно-технический прогресс и гигиена труда». Нет ли здесь противоречия? Ведь речь идет о новых, современнейших производствах с продуманной технологией, совершенными механизмами, разумной планировкой – без экономии на тех, кто трудится.

Но возьмем, скажем, часовое производство, производство искусственного волокна, электронику. Представьте отделанные пластиком, полные света цеха, идеально чистый

воздух, склонившихся над микроскопом работниц в белых халатах. Прямо-таки стерильная обстановка.

Но в этом-то и заключена опасность. Угроза наступающей день за днем гиподинамии, вялость, увядание, пониженный тонус. К этому ведет вынужденная неподвижность сидячей позы. Напряженное зрение. Тысячи мельчайших деталей. Монотонность раз и навсегда заданных движений утомляет не меньше физических перегрузок. А работающим в цехе нельзя даже встряхнуться гимнастикой – поднимется пыль, нарушится технология!

И каков выход? Спорт. И Летавет разрабатывает систему общего и профессионального закаливания, предлагает втянуть людей в спорт за пределами цеха и тем самым повысить устойчивость к профессиональным недугам.

Вот о чем хотел поведать ученикам псковской школы седой ученый со значком заслуженного мастера спорта.

Имя Летавета хорошо известно во многих странах. Имя ученого, создателя большой, широко разветвленной школы гигиенистов. Многие годы он вице-президент Международной организации профессиональной медицины, представитель России в международной организации радиационной защиты.

Если не побояться быть тривиальным, то можно сказать, что и здесь достиг он вершин. И теперь мы вправе вернуться к вершинам не метафорическим, а к тем, что светят негасимым светом вечных снегов над хребтами.

Страна под Эльбрусом

Посасывая карамельку, вы затягиваете утром постройку кресла «Ту-104» и в тот же день можете защелкнуть лыжные крепления на слаломном спуске горы Чегет. И когда едешь в чуть покачивающемся кресле канатной дороги, видишь на уровне локтя сам двуглавый Эльбрус.

В дни молодости Летавета на этот путь уходило четверо суток, а то и вся неделя. Но в туризме быстро – еще не

значит хорошо. Право же, не только те, кто, подобно Пушкину и Лермонтову, добирались в горы на перекладных; еще и Летавет в двадцать седьмом году мог увидеть в пути куда больше, чем иные из нынешних «экспресс-туристов».

...Двор нальчикской турбазы. Толпятся у фанерного щита с написанными от руки объявлениями: «Ищу попутчиков на предмет перехода через Твибер. Располагаю палаткой-полудаткой, ледорубом, пудом манки»; «Меняем бурку на восьмизубые кошки и ледовые крючья»; «Вазму двух туристов у подводу на Урусбиево».,.,

Гомон. Толчея. Хохот. Люди разных национальностей. Ну чистая Сухаревка времен нэпа, хотя здесь меньше всего думают о коммерции. Пожалуй, двор нальчикской турбазы похож на восточный караван-сарай. Здесь спрос на все: проводников и сухой спирт, ишаков и кошму для стелек, попутчиков и галеты. Мелькнул альпинист из Вены в

шокирующих горцев замшевых порточках выше колен. Солидно обсуждают состояние перевалов два балкарца из Приэльбрусья. Летавету уже показали на сухощавого, в круглой бараньей шапке Сеида Хаджиева: он водил на вершину Эльбруса самого Сергея Мироновича Кирова. Рослый Юсуп Тилов идет с немецкими альпинистами в Безенги. Там Дыхтау, Коштантау, целых четыре пятитысячника Кавказа! В Альпах такого не имеется.

На базе богатый ассортимент русских и иностранных карт и справочников. Но лучше всего посоветоваться с тем, кто спустился с Эльбруса. Например, с инженером Раковским. Он оглаживает прокуренные моржовые усы, сдвигает плотно обтягивающую голову сванскую шапочку-пак, показывает рукой на связанные проволокой деревянные щиты.

– Это тоже переправим на Эльбрус, будем строить приюты. Но вам ждать нас нет смысла. Буду еще выбивать цемент, паклю, стройматериалы. Правда, это далеко не альпийский отель, даже не шале. Но характер у старика Эльбруса, сами знаете, не из покладистых. А тут, на отметке «4250» всегда найдете крышу над головой. Когда сами наверх предполагаете?

– Никак не добьюсь ясности в здешнем Автопромторге. Какой уж день «завтраками» кормят.

– Не в них дело. Дороги в горах, как говорится, «пронеси, господи». А тут еще непогода... Мой вам совет: двигайте-ка подводой. Это уже наверняка. Подводчика на завтра сосватаю.

Вы, туристы из сегодня! Вы, пролетающие в клубах шли по асфальту, успевающие на всем стокилометровом пути приметить сквозь стекло автобуса лишь хрустальный каскад Баксан-ГЭС, дыры пещер над урезом реки, а более основательно осмотреть разве что ресторан «Эльбрус» в Тырныаузе! Вы экономите не только время, но и понимание окружающего.

А тогда Летавет не спеша трясся на подводе. Гладь Большой Кабардинской равнины теснят надвигающиеся, подобно наступающему воинству, хребты. Вот и первая возвышенность, увидев которую подводчик бросает несколько звуков, вроде «хр... кх... ур». Не уловишь сразу слова в гортанной, взрывчатой речи. Оказывается, это гора Харакора, что значит «Собака и свинья». В самом деле, похоже. Разлеглись над длинным селом Заюково огромные животные.

Кони, похрапывая, вносят подводу в теснину. Уходят вниз от колес отвесы желтых известняков. Словно резонатор, усиливают они глухой грохот Баксана. Река работает, как тысячи оркестров. А дорога то петляет под навесом скал, то подвесит над пропастью колесо. «Есть куда падать», – посмеивается подводчик. Тряска такая, что может начаться морская болезнь либо одно из знакомых Летавету заболеваний, которому подвержены работающие в условиях вибрации.

А путешественник доволен. И Нальчик, и этот гарцующий навстречу всадник в бурке колоколом, и старик в белой войлочной шляпе, величественно восседающий на крупе ишачка, – все внове, все радует. И это лишь предисловие, самое начало гор.

Белый снег на хребтах гор

За узкой тесниной Шаш-Бават, когда хребты сжимаются и, кажется, раздавят, как орех, дорогу и арбу на ней, скалы выпускают путников в котловину. Возница значительно проводит рукой по бороде и тычет кнутом куда-то в створ между хребтами. Там небо и облака, и что-то еще белое-белое... «Менгютау, – бросает он, придерживая коней, – Очень, слишком даже балшой гора».

Ну, конечно же, – Эльбрус! «Тысяча гор», так зовут его балкарцы. Вот он мелькнул в развилке гор, поворот колеса – и нет его, да и был ли вообще?

И снова дребезжат колеса. Лепится по речным карнизам дорога. Подвода въезжает в похожий на лестницу аул, где крыша нижней сакли служит площадкой у входа в верхнюю, а самая верхняя теряется в низко нависших сырых облаках.

В раздавшееся вширь Баксанское ущелье вливаются слева и справа ущелья «притоки». Сойдя с подводы, Летавет ощущает смолистое дыхание сосен, и, хотя обе стороны загорожены хребтами, не чувствуешь тесноты, только простор, свободу. В Москве так легко и весело дышится после грозы, в горах – всегда.

Через несколько дней он стоял на гребне Главного, или, как еще его называют, Водораздельного хребта. Еще шаг, и с северных склонов он перейдет на склоны южной стороны; из Кабардино-Балкарии в один из самых, быть может, своеобразных уголков Грузии – Земо Сванети, по-русски – Верхнюю Сванетию.

Несмотря на раннее утро, смерзшийся за ночь снег уже похож на размокший сахар... Такой уж это чувствительный индикатор. По ощущению еще мороз, а лыжи идут все тупее, и ты знаешь: снег первым учуял только приходящую откуда-то волну тепла. А сегодня снега вершин чуть тронуты по-импрессионистски неопределенной, скользящей по склонам лиловой акварелью: «До чего ж красиво!» – восторгается игрой природы несведущий в горах новичок. «Скоро будет паршиво!» – буркнет альпинист. Так извещает о себе фён – идущий с моря теплый ток сухого воздуха. А фён – это таяние, и лавины, и сели, и всякая никому ненужная ерунда с погодой.

Но Летавет уже спустился с хребта и идет себе по тропке, по завалившей русло зимней лавине переправляется через Долру и шагает навстречу дымкам селений.

Сегодня туризм освоил Сванетию. Через Главный хребет переваливают все лето ватаги «плановых» туристов, совпрофы бойко торгуют путевками на маршруты 46, 297, 88. Плати, получай, турист, все, что скалькулировано людьми из

Центрального Совета по туризму и экскурсиям: восход солнца над Эльбрусом и трехразовое горячее питание, вечные снега Бечо и вечнозеленые пальмы Сухуми, горные ботинки и ведущего тебя инструктора.

На санях между Сваном и Ушбой

В двадцать седьмом была та же «Куриная грудка», оледенелый каменный риф на подъеме к перевальной выемке и тот же спадающий в долину Долры ледник Муркомьер. Не было только «планового» туризма.

Крестьяне на санях (невзирая на июль!) свозили со склонов снопы, укладывали в копны ячмень. Пожилой сван, отряхнув с лица полосу, чинно поклонился и вернулся к работе. Волы тянули по кругу массивную деревянную плаху, утыканную острыми камнями. Так молотили хлеб. Крутые склоны закрывали полгоризонта. Только на санях можно свезти с них урожай. Летавет уже знал, как говорили о здешних дорогах: «Плохая дорога – та, с которой путник обязательно свалится и тела найти нельзя. Хорошая – с которой падаешь, но труп найдут. Прекрасная – с которой можно и не упасть».

Попавшие сюда первые русские путешественники сравнивали Сванетию со сложенными в пригоршню ладонями. Ладони – высокие боковые отроги, ответвляющиеся от Главного хребта и идущие параллельно с ним. Узкое пространство между ними – огромный желоб, который прогрызли воды несущейся с глухим ревом Ингури, самой быстрой среди быстрых рек Грузии. Отроги хребтов делят страну на котловины, отсеки, по одному из которых и держал путь Летавет. У англичанина

Фрешфильда, немца Мерцбахера, венгра Деши, русских Долгушина и Акинфиева читал он об Ушбе, и теперь спешил увидеть ее.

Не просто произнести это имя с тем рассекающим воздух свистом, как делает коренной сван. Непревзойденный

покоритель вершин Михаил Хергиани так объяснял топонимику слова Ушба: «Копье! Как два заостренных копья бьют ее вершины в лицо неба».

Ушба идеально сочеталась с соседними ледниками и выпаханым ими ущельем Гуль. Безупречно вписывалась в гребни соседних с ней пиков Чатын и Мазери, посаженных на общее с ней основание.

В этой гармонии, достигнутой великим зодчим – Природой, вечная и непреходящая сила очарования. Быть может, по многообразию линий, мгновенной смене красок, настроений не только не уступающая, но даже превосходящая и лес, и море. У каждой вершины, как у человека, только ей присущая внешность, собственный характер. Как среди населения планеты не найти двух человек с одинаковым узором кожи на пальцах, так нет и двойников-вершин.

Словно картина в галерее, Ушба возникает в как бы подчеркивающей ее ракетно-стремительный взлет спокойной раме старых гранитов. Не самая высокая. Время рождения – мезозой, значит – геологически молодая. Она производит сразу же впечатление недоступности, непостижимости.

Год пути до Ушбы

В давние времена, поссорившись, сван бросал в лицо обидчику, прежде чем выхватить из ножен кинжал: «Чтоб очутиться тебе на Ушбе, ублюдок!». От Джвари до Мулаха, давая клятву, скрепляли ее словами: «Этому также не бывать, как человеку на Ушбе».

Но дадим слово тем, кто впервые увидел ее.

И. Акинфиев. «Название Ушба по-местному будто бы означает чудовище, что как нельзя более соответствует внешнему очертанию этой горы, видимой из Бечо почти с самого ее основания. Вид на нее один из редких, но нельзя сказать приятных. Если при виде царственно величественного Эльбруса, или красавца Тетнульда, или даже Казбека вы

невольно восхищаетесь правильностью очертаний белоснежных конусов, то при виде Ушбы не приходится испытывать ничего подобного; напротив, вас поражает грубая неправильность раздвоенной вершины, составленной из каких-то безобразно гигантских и чудовищно диких утесов и обрывов, обнаженных в большей своей части от снега.

Эльбрус не только восхищает вас своей правильностью формы, но он манит вас к себе своим величием. Вы охотно, кажется, предприняли бы восхождение на него, если бы это было не так трудно. Взбираться же на Ушбу вы не чувствуете ни малейшей охоты, потому что издали видна вся бесполезность подобного опасного предприятия» (1894 год).

А. Долгушин. «Я склонен думать, что вершина Ушбы может быть достигнута лишь по воздуху, так как стены ее отвесны со всех сторон» (1900 год).

Ганс Пфанн (немецкий инженер). «Она здесь является знаменитейшей вершиной. Откуда бы на нее ни смотрели, представляет картину страшной дикости и гордой неприступности. Наиболее красивою и величественною представляется эта двуглавая гора с ее отвесною оледенелой западной стеной, имеющей 1800 метров высоты, со стороны Ушбинского ледника» (1904 год).

Годом ранее Г. Пфанн с Л. Дистелем и Г. Лейхсом вписывают в летопись горного спорта первый траверс верхней Ушбы.

В 1927 году шел к Ушбе Летавет. Плотный, чем-то напоминавший по виду Фальстафа грузин, с которым познакомили его в Ушхванари, оказался его коллегой. Иосиф Антонович Асланшвили – медик и альпинист. Виднейший эндокринолог республики в Сванетии искал корни заболеваний зобом. Летавет уже видел в селениях, где побывал, у каждого третьего на горле этакий мешок: ни дышать, ни работать.. Бич даже таких просвещенных горных стран, как Швейцария, Австрия.

Асланишвили взмахнул рукой к вершинам:

– Первопричина в воде. Хрустально чистая влага ледников лишена нужных организму ингредиентов. С альпинистами я добрался до таких дальних селений, как Ушгул, Кала. На днях правительство подпишет указ: не ввозить в сельские кооперативы ни фунта соли, если она не йодирована.

Заметим, что уже в послевоенные годы во всех селениях близ Местиа невозможно было найти больного зубом даже для фотосъемки.

Летавет на горах Сваны

Сваны поразили Летавета многим. Они не страшились ни высоты, ни крутизны, ни голода, ни мороза. Стены хребтов позволили сохранить в чудесной неповторимости то, из чего складывается душа народа: его обычаи. На махонькой территории, которая занимает едва ли одну пятидесятую часть Московской области, Летавет встретился с живой историей. Родившееся в общении с природой язычество в то время жило здесь бок о бок с первым детекторным приемником и написанными грузинской вязью названиями первых русских учреждений. На вопрос, откуда он, сван еще говорил: «Из Бечойского теми», «Из Ушгульского теми». Сельсовет – сельсоветом, но сам он держался за свою общину, не ведая и не задумываясь над тем, что если растущий в горах розово лепестковый рододендрон – реликт ледникового периода, то его теми – эхо родового строя.

В один из летних дней Летавет видел, как на плотно утопанную копытами площадь – свип – вступает Элиаоба, праздник повелителя туч и грома – пророка Ильи. Всадник во всем блеске горской одежды и вооружения вылетает на свип, ветер развеивает знамя, и на особый манер скроенный шелк принимает очертания льва. Сваны одобрительно покручивают усы. Вот он наш лев – символ единства трех теми – Местии, Мулаха, Ипари. Как ни лютовали князья, но все одиннадцать теми в горах остались навсегда вольными.

А к тебе, Элиа, наша мольба! Знаем, что Христосбог взял тебя, незрячего, к себе на небеса. Ты – распорядитель облаков. Идешь впереди дождя и града. Но ты слеп на оба зрака, не видишь земли, разбрасываешь град где попало. Да не оставишь нас своими милостями, пророк среброликий, двинь дожди, останови град, высыпай его только на Тетнульд и Ушбу...

Сегодня уже не молитву творит сван Владимир Грамитонович Хоргуани, но в экспедиции родившегося здесь же в горах Высокогорного геофизического института он сам разгоняет градовые облака. И помогают ему не божественные силы, а микроскоп, локатор, начиненные химией снаряды.

Августу Андреевичу довелось слушать в продымленной пастушьей хижине, как звучат струны чонгури и слышится негромкий, надтреснутый голос немолодого мохевца. На своем веку Ягор Казаликашвили хаживал с русской трехлинейкой против турка, добывал медь в Девдоракских рудниках, на многие вершины восходил – на Ушбу, Тетнульд, Эльбус. В песне, сложенной им, он вспоминал:

Смотрит с запада и Ушба.

Царь страны, грозней метели,

И по плану Ушбы башни

Сваны выстроить сумели.

Здесь живет большая часть народа

Когда идешь вдоль Долры либо Накры, первое, что останавливает глаз после, конечно, вершин, это боевые башни – коры – каменные доспехи маленького гордого народа. Здесь их не одна сотня. Прямые, обожженные порохом, обросшие мхом да пучками жестких трав – стоят они как воплощенные в диком камне черты характера самого народа. Без них нельзя представить себе Сванетию, как без Покрова на Нерли – древнюю Владимирскую землю, без кремлевских башен – холм над устьем Неглинки. Они созданы

умом и трудом человека, но воспринимаются как часть окружающей природы.

Лишь год спустя после первого похода Летавета примет Москва ходяков сванетских теми. И пройдет еще девять лет, пока на свипе села Местиа загудят клаксоны первых тринадцати фордиков. До них Сванетия не знала колес. А сегодня мчат над Ингури все виды автотранспорта. Люди в цветных касках создают еще одну возвышенность: в теснине Джвари, перед тем как река вырвется на просторы Колхиды, растет арка плотины, равной семидесятиэтажному пибоскребу. Одна ИнгуриГЭС даст больше энергии, чем сегодня все электростанции Грузии.

После первого же похода по Кавказу Летавет убедился, что он неизлечимо болен горами. Жажда странствий, стремление познать свою страну охватили его, как сотни тысяч русских людей.

И вот снова извлекается из кладовки испытанный и верный спутник походов – рюкзак. Ты глядишь на него. Эти вот рубцы – отметины камнепада на спуске с перевала Дыхпи-Ауш... После англичанина Муммери (бесследно пропал затем на гималайской Нанга-Парбат) Летавет первым прошел этим перевалом. А перевал был что надо! Особенно когда от правого борта ледника открылась изогнутая подковой Безенгийская стена. Между Эльбрусом и Казбеком это самая высокая часть Большого Кавказа.

«Камнепад рванул тогда с Башха-Ауз-Баши. Но я успел прикрыть тобой голову. И шли мы потом, и было ясно, что на перевал, прямо на его проем в хребте, идти нельзя. Надо по левую сторону; облако снежной пыли предупреждало: здесь пути всех лавин со Шхары. И был еще сырой темный глубокий бергшруд, и как назло смерзлись намертво мокрые фитили, и непросто было подвязывать кошки. И, словно не на перевальном маршруте, словно на серьезном категорийном восхождении, пришлось рубить ступени, страховаться через ледоруб, двигаться по одному».

Молнии над селением Кавказа

И вот – перевал! Гляди досыта... Вся Безенги. Белая пирамида Айламы. словно потные мускулы Атланта, лоснящиеся выпуклости склонов, и углубления, и контрфорсы Шхары. И еще – два Цаннерских перевала. И дальше прорубались через нависший карниз, шли по ледникам и моренам.

А эта ржавая отметина на рюкзаке? Не иначе поцелуй молнии, когда гроза застала их на открытом гребне Караугома, и молнии били кругом, и негде было укрыться.

Рюкзак снова зовет в дорогу. Летавет листает путеводители Вейденбаума, Москвича, Анисимова. Ему к Казбеку.

...Мост над плюющим пеной Терекком привел в селение Казбеги. На том берегу селение поменьше – Гергеты, его улочка карабкается в гору и переходит в тропку. Она поведет тебя на взлобье – к храму Цминда-Самеба и дальше – до самой вершины Казбека. В чадре ночного снега шестая по высоте гора Кавказа и впрямь схожа с хевской невестой, как зовут ее здесь.

От Иосифа Асланишвили слыхивал Летавет, что Казбек – колыбель русского альпинизма. Сосо был в числе тех, кто в двадцать третьем взшел на вершину под руководством профессора Николадзе – человека больших чувств и выдающегося организатора, как характеризовал его сам Асланишвили. Николадзе был не только металлургом, математиком, его хватало на многое. Он и гимнаст, и мастер народной борьбы, и лихой джигит, и организатор походов по самым дальним уголкам Грузии. Высокий, под 190, с густыми иссини черными усами, зоркими глазами, легкий в каждом своем движении, он привлекал к себе сердца молодежи.

Мкинвари-Цвери, «Гора ледников», как зовет грузинский народ свой Казбек, все чаще привлекал взоры молодых спортсменов.

«Высокогорная часть Кавказа, – писал Николадзе, – давно нас манила своими трудностями и известным риском. Мы еще никогда не пробовали своих сил в этой области, и вершина Казбека рисовалась нам лишь как отдаленная, недоступная, но красивая мечта.

Однако, читая многочисленные описания различных восхождений, мы невольно задавали себе вопрос, как это англичане, немцы, швейцарцы и другие европейцы способны побеждать трудности, встречающиеся на восхождениях, а мы, грузины, не отстававшие от них во многих видах спорта, еще ничего не сделали в области восхождений и даже боимся одной мысли о восхождениях на высокие горы. И мы начали готовиться к подъему на Казбек».

Вершина на главном пути Николадзе

Полвека назад Николадзе понял значение физической подготовки и акклиматизации. Походы в Чатахи, к развалинам древнего города Самшвидол, в любую погоду на пятьдесят-семьдесят верст дали необходимую закалку его кружку.

И вот они у склонов горы. С почтением и, что скрывать, трепетом вглядываются в четко врезанный в лазурь неба излучающий блеск чуть раздвоенный купол Казбека.

Совсем как коронованная особа, носит гора несколько имен: осетинское – Урс-Хох, ингушское – Бетлам-Корт, отчеты первых русских посольств именовали ее Шат-горой. Лишь в начале прошлого столетия закрепилось нынешнее название, по фамилии владетельных князей Казбеги. Величав и спокоен белый страж Востока, но тысячи три лет назад огненное дыхание кратеров, горячие потоки лавы угрожали тому, кто поселится вблизи вулкана.

Четыре тридцать утра. Время старта. Сразу вышли на заостренный скальный гребешок, который по имени местного проводника зовется «тропа Гахи Циклаури». Ягор

Казаликашвили показывает на две лавовые башни – «Мкинварт-Гушагни», от них течет Девдоракский ледник.

Зернистый хрустящий фирн. Смерзшийся, замаскировавший трещины снег. Все сильнее пульсирует в висках кровь. Не хватает воздуха. Ягор мерно вырубает ступени. Ему помогает студентка Асмат Николаишвили. Глянув на девушек, Ягор сдвигает на затылок папаху и крепче зажимает в ладони древко ледоруба.

«Всех обуяла одна мысль: «Вперед, к вершине!» Опасность, ураган, ужасный мороз – все было забыто, – читали мы в дневнике Николадзе. – Это вершина! И, оставив рубку ступеней, передние взбежали наверх. Нас па вершине восемнадцать».

На спуске встретили еще одну группу, ее ведет профессор Дидебулидзе. За два дня вершины достигли двадцать пять человек (среди них шесть женщин).

Так Казбек стал местом, от которого повел счет наш русский альпинизм.

Об этом вспоминает Летавет, продолжая путь по снежным полям и оледенелым вершинам Казбекской группы. Восходит на Ципбери-Хох. Привычно поддевает ладони под лямки рюкзака, который все тяжелее с каждым километром пути, с каждым метром подъема. И, как всегда после дневного перехода, брякается ничком и готов отдать бог знает, что за место на каменной полке бани и мягкую постель, каковых здесь не водится. Но утром, просыпаясь, думает совсем об ином: «На сколько рванем сегодня?» или «Совсем бы недурственно пройти в одну из здешних пещер: в какой-то из них, как говорил Аслапишвили, укрывали сокровища грузинской короны, в другой был скит, и монахи вешали свои рысы на солнечный луч, го-го-го, как на вешалку».

А после недели скитаний совсем неплохо почувствовать крышу над головой, пусть это всего-навсего хижина пастухов, и идти лугами по пояс в шелковистой траве. А вечером слышать у пылающего очага хриловатый голос

Казаликашвили. «Тридцать раз словно кровлю родного дома, топтала моя нога вечные снега Мкинвари. Ода-песня называлась «Похвала Казбеку». Она рождалась на глазах. Хитро прищурившись и думая о чем-то своем, старик возглашал славу «чуду гор, золотые огни чьей короны соперничают с солнцем».

Гостей трусливых зачеркни,
Ты любишь молодцов лишь,
Колени волчии у них,
И сталью блещут кошки.
В руках же ледоруб звенит.
И в бурю неизменны,
Из дальних стран идут они,
Твои пути запомнив.

Стихи, как никогда, отвечали настроению Летавета и его единомышленников, которых привлекали нехоженые пути, немереные расстояния, неведомые уголки.

Книга о покорении горных вершин

Здесь, в Хеви, Летавет покоряет первую свою вершину. Конечно же, такую, что не обозначена в путеводителях. Надо было долго выпытывать по крупицам о ее характере у пастухов, охотников, бывалых мохевцев. Он был счастлив остаться один на один с миром вершин. Только ты и высота. Ты и белое диво Казбека. И глухие, непонятно откуда идущие звуки.

Ночью в палатке Летавет лежит, закутавшись в бурку. Несколько тяжеловата, но претотличное изобретение человеческого ума. Тепло, сухо, защищает от ветра и дождя. На бурку не заползет ни одна змея. Из-под ласково щекочущей шерсти глядит альпинист на сиреневое небо и круг луны. В струях ее света весь Казбек. И хотя ночь, хотя пора спать, глядишь и не можешь наглядеться на горы и

луну, ставшие вдруг символами всей твоей жизни. Кажется, всмотришься попристальней, разгадай загадку ночных гор, и тебе откроется сокровенный смысл существования. Не об этом ли скажет Экзюпери: «Земля помогает нам понять самих себя, как не помогут никакие книги».

Летавет застал еще те времена, когда родная его Латвия не знала таких терминов, как «туризм», «турбаза», «турсекция». Рабочим, да и хуторянам было не до этого. Что касается господ, тем более задававших тон в обществе да и в общественном мнении остзейских баронов, то они либо гарцевали на конях близ своих мыз и охотничьих домиков, либо вояжировали по Европам.

Даже в не утерявшем своего значения, ставшем классическим труде великого нашего лексикографа Владимира Ивановича Даля нет ни этих, ни близких к ним терминов. Больше того, по Далю, «путеводитель» прежде всего не книга, справочник по маршрутам, но некто «указывающий путь». И вовсе уж лингвистическими курьезами выглядят относящиеся к этому же гнезду «путевод», «путеводка» (не крепкий напиток!), даже «путевождь».

И в этом зияющем пробеле надлежало бы винить не ученого, но современное ему общество, прежде всего власть предержащих. Ведь за пределами Российской империи туристские фирмы задолго до выхода «Толкового словаря» возили туристов по всему свету, чему свидетельство книга Марка Твена «Простаки за границей». Известная по сей день фирма «Кук и сыновья» существовала с сороковых годов XIX века. Но даже слово «путничание» наш Даль понимает не как прокладывание маршрутов по родной стране, но «ходьбу или езду по чужим местам».

Черту под этим как бы подвела завершавшаяся уже в наши годы энциклопедия Граната, но и она констатировала, что «путешествия для отдыха, развлечения или с

образовательной целью были доступны лишь верхам европейского общества».

Сегодня необходимо создать общество по развитию туризма

На глазах Летавета, при его неперенном участии (многолетний председатель турсекции Московского дома ученых, член президиума Всесоюзной горной секции, член Центрального совета ОПТЭ и т. д. и т. п.) сначала «взрывались» основы досоветского РОТ (Российского общества туристов), потом закладывалось под водительством Н. В. Крыленко ОПТЭ (Общество пролетарского туризма и экскурсий).

И вот – наше время. Туризм почитается феноменом столетия. Социологи говорят не только о взрыве демографическом либо информационном, но и о взрыве туризма. Туризм стал неотъемлемым, органическим компонентом бытия русского человека.

Как и многие из нас, Август Андреевич приобщался к горам, к вершинам с перевалами в Приэльбрусье. Летавет застал его в первые годы своих походов еще хранившим приметы глухого горного тупика владений князя Урусбиева. Напомним, что лет с девяносто тому в этих краях, у развилки рек Баксан и Адылсу, остановилась небольшая группа поклонников гор, на свой страх и риск снарядившихся в дальний путь. В ней передовой ученый-социолог Максим Ковалевский, композитор Сергей Танеев и два бывалых английских альпиниста Емс и Смит. «Все члены нашего общества были хорошо знакомы со Швейцарией, – прочитали мы в путевых дневниках Ковалевского, – и все мы согласились, что таких красот, такого величия природы, которое мы видели последние два дня, в Швейцарии не найдешь».

В Швейцарии, за которой с давних пор закрепилась репутация «одной из классических стран туризма, специализирующихся на обслуживании иностранцев».

Размечтавшись, туристы размышляли о том, что весь Баксан с втекающими в него ущельями-притоками предназначен для отдыха. Созданный здесь центр горного туризма «в отношении красот природы и чистого воздуха не имел бы себе соперников». Какие можно было бы воздвигнуть здесь канатные дороги, лыжные спуски, горные хижины, отели, – мечтали все четверо. Но не раз уже вступавший в конфликт с российской действительностью Ковалевский осознавал, что это не более чем фантазия.

И когда сегодня тот же Летавет и многие из нас снова и снова ступают па добрую землю Кабарды и Балкарии, мы как бы возвращаем свою туристскую молодость, словно свившая на склонах Эльбруса гнездовье птица Симвург, одним оком видящая прошлое, другим – грядущее, в один и тот же миг различаем и давно ушедшее нашего туризма и его сегодня. Впрочем, и сегодня было под угрозой в памятные сороковые годы. В этом убедились мы, побывав недавно в этих краях.

Гора Эльбрус гордость Кавказа

По взмокшим под солнцем фирнам Эльбруса, замирая от восторга и трепета, вышагивали «плановые» туристы. Еще выше буднично вкалывали работяги СУ-9. Для них Эльбрус не экзот, не поход на значок, всего-навсего очередной стройучасток, правда, с надбавкой на высотность. Их дело – опоры, раствор, канаты.

Им и не думалось, балкарцам послевоенных поколений, что в этот именно день их поджидает на склонах Эльбруса встреча с днем позавчерашним.

– Адам, – удивленно и тревожно прозвучало над ледником. (Адам по-балкарски – человек). – Точно, он! В военном...

Те, кто наткнулись на вытаявшего изо льда солдата, Мухтар Локьяев и Али Уянаев тянут канатную дорогу, которая, хочется надеяться, поднимется со временем до запланированной отметки. А пока вяжи арматуру, Али, сваривай конструкции, Мухтар! Но в этот именно день тех,

кто обживает мирный Эльбрус, словно бы поджидал один из тех, что пробивали в промерзших моренах доты, наступали, оборонялись, стояли до последнего.

Целых тридцать лет оставался безвестным этот воин, замурованный в изумрудной толще ледника Гара-Баши. Рост порядка 170, волос русый. За плечами распахнутая в порыве атаки плащ-палатка. Балкарцам ее движение напомнило крылья летящего орла. Гимнастерка по-уставному стянута брезентовым ремнем. Расправляем складки... Явственно выведенное химическим карандашом «Коноплев».

Так напомнил о себе еще один участник битвы за Кавказ, оставшийся до этого безвестным солдат. Но разве не такие же точно Коноплевы сдерживали и сдержали не знавших дотоле поражений горных егерей генерала Конрада. Наяривая на губных гармошках, занимали нацисты и Нарвик и Крит. Думали таким же манером прикарманить нефть Баку и Грозного, открыть себе путь на Индию.

На этом пути Кавказ. Только Кавказ. Директива фюрера «41-Блау»: «Перейти через Кавказский хребет». На аудиенции Гитлер ставит в известность посла одной из держав «Оси»: «Я решил снова предпринять удар в направлении Кавказа. Это направление – важнейшее». Фюрер внушает генерал-фельдмаршалу Листу, что любая затяжка в форсировании перевалов Главного хребта – «грабеж времени».

Об этих днях и напомнила встреча с Коноплевым. О таких, как он, сам солдат четырех войн и альпинист, Николай Тихонов писал: «И мертвые, прежде чем упасть, делают шаг вперед».

Завеса времени распахнулась еще над одной тайной войны. Стаявший ледовый щит открыл останки еще одного воина, метра в двухстах тридцати от Коноплева, на отметке «3300», у пулеметной ячейки.

Штурм Сидоренко Эльбруса

Следы тяжелых ранений, остатки повязок. Нарукавная звезда политсостава. Похоже, что он не имел уже сил переменить позицию и, израсходовав пулеметные ленты, держал наготове гранату РГД да последнюю горсть патронов в галифе. За плечами политработника большой путь войны, на нем яловые, сильно побитые на скалах сапоги.

Верится, что мы узнаем и твое имя, Политрук. А молодые услышат о ваших ратных подвигах, побывав в том небольшом музее, который создан на станции канатки, у Старого Кругозора. Ведь в этой битве участвовали и те, кто хаживал на другой штурм, на штурм вершин с Летаветом: и Миша Ануфриков, и Толя Багров, и Саша Сидоренко.

На киностудии «Спортфильм» мы встретились с ветераном этой битвы на вершинах, режиссером-оператором и заслуженным мастером спорта Александром Игнатьевичем Сидоренко. Война застаёт его на посту начальника старейшего в стране альплагеря «Рот Фронт» (ныне «Баксан»), с напарниками по альпинистской связке довоенных восхождений – Лешей Малеиновым, Юрочкой Одноблюдавым, Григолом Двалишвили, Колей Моренцом принимал он поздней осенью сорок вторую колонну эвакуируемого комбината Тырнауз. Ущелье уже блокировали наши с обоих концов. Один исход – зачетный перевал Бечо. Но пойдут ведь не туристы с альпинистами, а 1300 лиц гражданского населения и среди них – 230 детей дошкольного возраста.

Сдав их под расписку по полному счету на южной стороне, Сидоренко снова переваливает Главный хребет. К побывавшему на мастерских маршрутах Ушбы и Шхельды ледорубу добавился автомат, рядом со скальными крючьями – связка гранат.

– К личному составу какой части мог принадлежать, по-твоему, Коноплев?

– Когда бои разгорелись на склонах Эльбруса, «Приют 11-ти» (нашего гарнизона там не было) уже оседлали

гитлеровцы. Наши дислоцировались на ближних перевалах и у подножия Эльбруса. Но с высоты четырех тысяч метров гитлеровцами отлично проглядывался весь склон.

Гитлеровцы были настроены самоуверенно. Успели даже водрузить на Хотю-Тау, через который и взошли «с черного хода» на Эльбрус, транспарант – «Перевал генерала Конрада».

А на леднике Гара-Баши первым в бой вступал 214-й кавполк. За ним – части НКВД, 3-й и 382-й горнострелковые отряды. Их инструкторы-проводники – бывалые туристы и альпинисты, мастера спорта Келье, Малеинов, Одноблюдов, Сидоренко.

А Коноплев мог быть из «безномерного» отряда лейтенанта Григорьянца. Они-то и штурмовали «Приют 11-ти» от исходной высоты «3268».

Альпинисты очень любят Эльбрус

Григорьянец? Это имя доносилось до нас, корреспондентов военной поры, еще в сорок втором. Когда геббельсовская пресса трубила о штурме Эльбруса «фанатиками-чекистами». Но, позвольте... У Григорьянца не было и в помине не только чекистов, хотя бы кадровых военных. Сам он, посмертно награжденный за «Эльбрус-42» орденом Красной Звезды, до войны был дамским парикмахером в Ашхабаде. С сотней бойцов (не был ли среди них и Коноплев?) он навел своим рейдом переполох у расположившихся зазимовать гитлеровцев.

Сидоренко встречал его на штабном совещании в том самом «Рот Фронте», где сам был за год до этого начальником. Сухощавый, подтянутый, волевой. Таким он и запомнился.

Сидоренко не счел нужным упоминать о той лихой разведке боем, которую осуществила особая группа. Кроме него в ней были еще два наших альпиниста, мастер спорта

Люба Кропф и участник шуцбундовского восстания австриец Руди Шпицер.

Григорьянца нацелили штурмовать Эльбрус «в лоб» (явный просчет). Знающий местность Сидоренко умело использовал скрытно выводящее к верхнему ярусу массива боковое ущелье Ирик. Это и позволило, избежав потерь, выполнить задание и вовремя отойти со склонов горы, которую услужливые саттелиты уже предлагали переименовать в «Гитлер-Шпиц».

А в сорок третьем Сидоренко в составе отряда офицеров-альпинистов Закфронта пинком армейского валенка сшибает с высшей западной вершины Эльбруса и рейхсштандарт со свастикой, и освященное по мистическому ритуалу эс-эс знамя «Черного ордена».

Ныне снова раскатывается по магистральному и боковым ущельям Баксана эхо взрывов. Это – взрывы созидания. На склонах Менге-Тау («Тысяча гор» – балкарское название Эльбруса) подразделения СУ-9 вышли на штурм высоты «3400». Здесь-то и встанет станция маятниковой воздушной дороги со знаменательным именем «Мир». Тут и трудятся опытный Локьяев с более молодым Уянаевым. А там потянут они линию к тому «Приюту 11-ти», который гитлеровский генералитет уже рассматривал и как свой трофей, и как неприступную цитадель.

Канули в Лету те времена, когда под Винницей в ставке «Вервольф» («Оборотень») утверждались планы захвата нашего Кавказа. Это «ставка» была бита, а Кабардино-Балкария принимает гостей с той же Винничины: селян, сахароваров, горожан, побратимов горской республики.

Священная и горькая память войны. Жители и руководители городка в горах Тырнауза предали земле эльбрусского некрополя двух воинов. Гигантским нимбом сверкают над ними вечные снега вершин. Спешат стайки беззаботных туристов, альпинистов, горнолыжников. Для них-то и отстояли эти места Коноплевы.

На том же Гара-Баши, где нашли Коноплева и политрука, ледник вынес и древко с ржавыми метинами гвоздей. Не был ли павший знаменосцем? Не нес ли водрузить его на вершинах? Этого мы пока не ведаем...

Контурсы Эльбруса мы видим не только на значке «Альпинист России», но и на боевой медали «За оборону Кавказа». Время вправе приписать в наградных листах к 580 тысячам отмеченных ею еще двоих.

В неведомых теснинах Памира

Одним словом, друзья мои, путешествие питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй, ипохондрик, чтобы исцелиться от своей ипохондрии! Путешествуй, мизантроп, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только может.

В. М. Карамзин.

Пять лет путешествий и восхождений на Кавказе за плечами. Пора побывать и там, где повыше да подальше. И Летавет избирает целью своего путешествия на тысяча девятьсот тридцатый год Памир.

Задолго до нашего летоисчисления, добрых две с половиной тысячи лет назад, те, кто слагали индийский эпос, уже знали о «центральной выпуклости Азии, с которой стекают все ее реки». В звуках названия Упа-Меру нетрудно уловить созвучие с словом Памир. Наш современник Н. Г. Маллицкий усматривает его близкое родство с названием, встречающимся в официальных афганских документах: «Паимихр» – «Подножье Митры» (божество солнца). Памир и был такой страной, из-за хребтов которой вставало солнце. Но хотя название жило века, страна оставалась неведомой. По ее окраинам прошли немногие путешественники, и только в тысяча девятьсот двадцать восьмом году, предводительствуемые И. В. Крыленко и Н. П. Горбуновым, русские альпинисты вышли на разведку. Спорт пролагал пути науке, и она, в свою очередь, наполняла его новым смыслом.

Летавет ехал в столицу новой союзной республики, которой не минуло и года, хотя летопись народа, называвшего себя «точик» (таджик), восходит к векам, когда возникали и падали империи Тимуридов и кажущиеся туманной легендой Согдиана и Бактрия.

За шесть столетий до нашего летоисчисления образовалась здесь великая империя Ахменидов, покоренная затем Александром Македонским. Здесь возникали и рушились государства тохарсов, белых хуннов, турок сельджуков, саков, арабов, монголов-тимуридов. По путям, где ныне идут туристы и альпинисты, шагали позвякивая бубенчиками, верблюды, их сменяли похрюкивающие яки, и пыль караванов Великого шелкового пути сменялась снегом и бурями перевалов. Здесь живет народ Рудаки, Фирдоуси, Хайяма, Авиценны. Народ гор, ибо лишь десятая часть его земель – равнина, и даже огороды и посевы располагаются на даштах, речных террасах по склонам. Эти очаги древнего земледелия подняты на высоту, вдвое превышающую главенствующий над всем Пятигорием Бештау.

Самолет с экспедицией огибает столицу

Всего лишь за год до их похода в недавний кишлак, ныне столицу республики, прибыл первый поезд, и жители дивились, как один этот русский самовар на колесах вознамерился заменить четыре тысячи верблюдов, которые доставляли им ситец и пиалы, керосин и хину. В те же дни город вздрогнул от сильного гула, шедшего с неба. Самолет сделал круг над образовавшими новую столицу кишлаками Душанбе, Шахмансур, Сары-Ассия. Высунулась голова в шлеме и очках, пилот «Ю-142» заложил крутой вираж. Часом спустя по ту сторону Пянджа афганцы толковали о новом боге, которого наслали урусы. Они ведь, урусы, уговаривают своих мусульман не платить больше зякет живому богу Агахану, в теле и сердце которого – да покарают эблисы иначе думающих – в сорок восьмой раз воплотилась живая душа пророка Али.

Альпинисты идут улицами, похожими на зеленые тоннели, в такую густую крышу сплелись кроны деревьев. И режим ветров здесь, отмечает про себя Летавет, оптимальный: днем – к горам, куда они гонят накалившийся воздух, вечером – свежий бриз с гор.

Горы, горы кругом. К ним и путь!

Город Гарм, где они снаряжали караван, – бывшая столица не столь уж давнего владетеля гор и долин Каратегинского бека. Первые российские путешественники застали здесь еще поселения огнепоклонников. Под глиняными стенами цитадели над рекой Сурхоб в последнюю среду месяца прыгали через костер горцы и в дни экспедиции Летавета.

Русские путешественники тепло отзывались о местных жителях. «По своему характеру таджик представляется весьма симпатичным: он добр, честен, трудолюбив и чужд корысти» (В. В. Новицкий, подполковник генштаба, 1903 год). «Насколько хороши в качестве рабочих честные и выносливые пашимгарские таджики» (Я. И. Беляев, астроном, 1916 год).

Когда встречный прикасался в знак приветствия к тубетейке, Летавет уже знал: подчеркнуто квадратная, черная – эта из Чуста. А та – сходящая на конус с окружающим ее валиком – с Дарваза, название которого в переводе – «Открытая дверь».

Народ здесь действительно артельный, дружный. Кликнет кто из седобородых: «Хашар!» – иди, значит, всем миром на подмогу, дом ли строить, переправу наводить, – сразу выходят.

Возвели такой дом и при них. Когда белобородый Мавлет встречал их у порога, Летавет показывал своим па прилепленный на самом виду над притолокой толстенный ком глины и рога киика на столбе веранды:

– Эти предметы – дань прошлому. И то и другое, по представлению народа, несет одну и ту же функцию – защиту

очага. Рога – это тумор, амулет от всяческой нечисти и бед. А ком глины намеренно лепят на самом видном месте. Дурной глаз завистника раньше всего наткнется на него и потеряет вредную силу.

Духовные хранители гор обещают здоровье

Да, народ творит и мудрое и наивное, но наделенное, по его разумению, смыслом... Ребята, дующие в глиняные свистульки, не балуются. Они призывают несущий дожди ветер. Махонькие, густо-синие куколки, расставленные у старого мазара, напоминают о коклюшных детишках. Позаботиться об их выздоровлении, усто (мастер) Умар!

Летавет, как медик, доволен. Врач, больница, роддом, зачатки физкультуры проникли в глубь горной страны. Все меньше паломников движется к высящейся над памирским городом Ош горе Тахт-и-Сулейман (Трон Соломона). У ее подножия, рассказывают таджики, дракон с лежащей напротив горы Таш-Ата проглотил все войско Александра Македонского.

Но и в двадцатые годы, как со скорбью писал побывавший здесь Юлиус Фучик, «Тахт-и-Сулейман поглотил больше жизней, чем может придумать рассказчик старых легенд. Тахт-и-Сулейман в течение нескольких столетий подрывал здоровье народов Средней Азии. Это было доходное предприятие магометанских монахов. «Духовные хранители гор» обещают здоровье. За овцу у тебя перестанет болеть голова, за три овцы вернешься домой без ревматизма, за верблюда слепой прозреет». И всего-то надо было просунуть голову в отверстие в скале, «выбитое пророком» (типичный образец выветривания).

А теперь возле школы одного из кишлаков в горах ребята старательно проделывают гимнастические упражнения. У перевала встреча с едущим к дальним юртам медицинским коллегой. На летовке в альпийских лугах флаг с красным крестом – медпункт.

Давно уже привлекал Летавета хребет Петра Первого. Такое название дал западному фасаду Памира побывавший здесь в 1876 году энтомолог В. Ф. Ошанин. Хребет нигде не опускается ниже четырех тысяч метров, поднимается же до семи с половиной. «Хребет имеет вид узкой, острозубчатой пилы. Три пика, стоящие особняком, выделяются исключительно резко как своей высотой, так и своеобразными очертаниями» (П. И. Беседин, 1916 год).

Гостеприимные таджики из Пашимгара

Караван-баши Абдулло подзывает Летавета и разводит руками: дальше Пашимгара караван пойти не сможет. Решено, караван двинет перевалом Гардан-Кафтар, «Голубиной шейкой», альпинисты своим ходом перевалят через хребет, пройдут ледники Девлохан, Гандо, седловину Сагран.

Ползут осыпи под оковкой ботинка. Потрескивает лед ледника Гандо, рассеченного уходящими в сырую мглу трещинами. Не верится, что еще два дня назад таджик из Пашимгара срывал тебе абрикосы в саду. Они ночуют в царстве льда, на перевальной точке, в надежде утром оглядеть панораму ближних хребтов.

Небольшой отряд поднимается на перевал Тенгиз-Бай. Более чем за полвека до них на его седловине стоял русских! ученый, и ветер тербил его русую бороду. Первым из путешественников мира Алексей Павлович Федченко увидел отсюда Заалайский хребет, убедился в существовании Памирской выси. На прекрасно зарисованных женой ученого Ольгой Федченко и затем выполненных в цвете А. П. Саврасовым пейзажах – индиговое небо Алая, слепящая белизна хребтов и та вершина, которую А. П. Федченко назвал тогда пиком Кауфмана, а мы знаем, как пик Ленина.

Ко времени, когда здесь был Летавет, на вершину удалось взойти только трем немецким альпинистам. В наши дни купола трапецевидной вершины, высшей точки Заалая,

достигли более тысячи спортсменов. Такого не знает ни один из семитысячников планеты. Пик Ленина превратился в своего рода высотный стадион страны. В этих местах кончилась экспедиция Летавета. Но он не прощался с Памиром. Все еще только начиналось.

Лишь семнадцать лет спустя Летавет, теперь уже академик и заслуженный мастер спорта, смог вернуться к хребту Петра Первого. Быть может, такой «антракт» имел и свои преимущества. Можно было сопоставить сегодняшние впечатления с воспоминаниями тех лет, когда не каждый из местных жителей понимал значение слов «стадион», «рекорд».

Но и тогда спускались из кишлаков таджики помериться в силе и ловкости. В Гарме сходились на площади силачи, в лихой скачке оспаривали первенство наездники. Любили таджики с киргизами и азартную кубкори, схватку наездников за тушу козла. А как не вспомнить знаменитую переправу на салах через бешеные горные реки.

Там, где похожие на разведенную охру воды Кызылсу вливаются в Муксу, на берегу таджики надувают собственными легкими растопырившиеся бычьи шкуры. Гребцы засучивают белые панталоны, затягивают потуже кушаки. Из-под ветвей ивы, словно стартуя на соревнованиях слаломистов, вылетает первый сал. Гребцы отчаянно работают лопатообразными веслами. Рев. Скрежет. Круговерть. Не выпуская весел, то один, то другой таджик выдирает из халата пук хлопка, и с полнейшим бесстрашием затыкает возникшую в шкуре дыру.

Альпинисты перед началом экспедиции

Многое теперь изменилось. Изменились и сами альпинисты. Когда смотришь перечень оборудования: «шкельтоны утепленные», «куртки пуховые», «кошки двенадцатизубые», – невольно сопоставляешь их с прошлым. Тому, кто читал И. В. Мушкетова, не могло не запомниться

оснащение его экспедиции по ледникам Памира. Сани, палки длиной в 47 аршина (привязывали поперек груди для страховки при падении в трещину), лестницы для лазанья, якоря, кайлы, деревянные подошвы с гвоздями, 10 собак, 8 козлов. Козлы должны были учуять скрытые под снегом трещины, собаки – предупредить о лавинах.

Теперь никого не удивляют идущие в горы русские люди. С одобрением оглядывают таджики литые мышцы умывающихся в арыке спутников Летавета. «Кутас», – улыбаясь, изрекает караванщик Сулейман, сравнивая выпуклую, покрытую рыжеватой шерстью грудь Евгения Абалакова с незаменимым в горах яком.

Еще в дни первой своей экспедиции убедился Летавет: то, что с большой дозой условности именуется здесь дорогами, – первое и далеко не самое легкое испытание. Вечные снега и лед спасали землю таджиков от безводья. Но они же вставляли на пути к селениям, которые лепились на высоте, равной седловине Эльбруса. В тридцатом году во многих ущельях единственным средством сообщения были зыбкие овринги.

«Так называемые овринги даже нельзя назвать дорогой – это соединение в одном месте всех трудностей и опасностей пути, встречаемых обыкновенно порознь. Они отличаются друг от друга только различными сочетаниями и степенью этих трудностей. Приближающемуся к оврингу кажется, что дальше идти нет никакой возможности. Но после внимательного осмотра он находит впереди какой-нибудь выступ, на который можно перешагнуть, хотя с большим трудом; дальше виден какой-нибудь колышек, заменяющий ступеньку, колеблющаяся висячая лестница из прутьев, балкон, громоздкий утес, на который можно взобраться, прижимаясь к нему всем телом и едва-едва схватившись руками за верхний выступ...

Вернуться назад нельзя: сзади идут другие, а разойтись немислимо. Идущие впереди, более опытные, указывают, на какой выступ какую ногу можно поставить и за какой камень

держаться: если поставить ногу немного ближе, чем нужно, то при следующем шаге нельзя будет достать ногой до другого выступа. При этом все овринги расположены на большой высоте над рекой».

Все это мы читали не в репортаже о чемпионате по скалолазанию. Так описывал свой путь к кишлакам Памира русский этнограф И. И. Зарубин. Но именно эти горы и укрывали таджика от прихотей и поборов бека.

В сорок седьмом экспедиции Летавета нужно было пробивать путь для вьючного транспорта. И ледоруб в руках альпинистов работал как лопата и мотыга.

Давненько не хаживали на одной веревке альпинисты. Разметала всех война. Иванов партизанил и от лесов Подмосковья дошел до Полесья. В горных войсках Закавказского фронта служили Сидоренко с Евгением Абалаковым. Офицер связи Ануфриков, лихой мотоциклист и разведчик, под конец войны успел первым из восходителей мира пройти похожую на пилу гряду вершин Джуги над Домбаем.

Только человек может пройти через трещину хребта

Альпинизм – это не только хорошая спортивная форма и надежное снаряжение. Не только умение лепиться на скалах, ночевать на льду, отличать скрытую трещину от надежного снежного мостика. На вершинах нужна еще идеальная психическая совместимость участников восхождения. Люди должны притереться, годами как бы сцементироваться друг с другом. Сила альпинистов – в коллективности действий, в единодушии, в безоговорочном доверии товарищу по команде.

Летавет доволен. В спортивном отношении его «мальчики» потеряли за эти годы не так уж много. В человеческом – обрели то, что дается только в горнине больших испытаний.

Летавет не торопится с выходом на хребет. Сначала надо разведать варианты. Выбрали правую ветвь ледника Шини-Бини. На восхождение пойдут одиннадцать человек. Командует Евгений Абалаков.

Двадцать третье августа. Семь тридцать. Хребет Петра Первого сияет близкими вершинами. Первый кусок льда под ледорубом Абалакова с хрустом вылетает со склона. Следя за командой в бинокль из лагеря, Летавет одобрительно шепчет: «Так-так»... Кряжистый, невысокий, кажущийся «на земле» медлительным, склонным поканителиться, Абалаков избрал самую крутую ледовую стенку. «Понятно, – думает Летавет, – толково выбрал. Ни камнепада на ней не опасайся, ни лавин. Давай, Женя!»

Рубит ступени альпинист. Не дает горячиться молодым. Спешка в горах смерти подобна. Осади того, кто не пристегнулся карабином к веревке, кто осуждающе глядит, как тратишь четверть часа, а то и весь час только на то, чтобы забить пару крюков. А они и опора, и страховка, и успех, и жизнь.

Абалаков подзывает Багрова. Толя – человек азартный, заводной, взрывающийся. Но то, что у новичка переходит в лихачество и в аварию, у бывалого нередко аккумулируется в запас нервной и мышечной энергии, которую он включит в тот момент, когда она всего нужнее.

Багров именно тот человек, что нужен в разведке: он находит прорезающую ледовый склон косую трещину и выводит группу к снежной подушке.

Лед сменяется скалами, они – разбитыми временем и холодом плитами. Палатки бивуака на отметке «5800». Уже на сто восемьдесят метров выше вершины Эльбруса, на которой тоже побывал Багров, когда снимал оттуда с товарищами флаг со свастикой.

Темнеет. Летавет, задрал голову, напряженно следит за склоном. Вспыхнул, разгорелся кусок пленки. У штурмовой группы порядок!

В ту же ночь разразилась буря, и Летавет с тревогой следил за горой. Насколько затянется вынужденная «отсидка» на высоте? Он знал, это не отдых, не накапливание сил; бездеятельное ожидание на высоте высасывает силы из человека. И возникают ненужные мысли: почему он здесь, а они там? Почему он не с теми, кто слушает, как ветер силится смахнуть палатку, задушить пластами снега, который сползает по склону, норовит стащить тебя в пропасть? Потому что им по двадцать пять, а тебе за полета?.. Да нет! Потому что он – в резерве, он с наблюдателями, готовыми по первому зову уйти вверх, на подмогу.

Тревожная ночь. Тревожное утро. Бессильное волнение. Томительное ожидание.

«Но что это?.. Ай, молодцы!» Он жадно вглядывается в темные точки на посветлевшем склоне. Крошечные на огромном белом полотне. Нет, это не скалы. Это – люди. Их шесть. Они идут к вершине. Давай-давай, ребята!

На этот раз географ Тимашев наносит на карту Памира новые названия: «пик Тридцатилетия нашего государства» (6440 метров), «пик Москва» (6994), «перевал Летавета» (4880), «пик Липского» (5500). Их дали горам по праву первооткрывателей альпинисты группы Летавета. Одновременно молодой географ впервые обнаружил удивительный феномен природы – залегающее на высоте около шести тысяч метров Памирское фирновое плато. Подобно гигантскому двенадцатикилометровому пьедесталу, оно несет на себе пики Кабанизма и Ленинград. Еще одна серия «белых пятен» стерта с карты Родины.

Здесь сходятся небо с землей

География, единственная из всех наук, возникла из действия, и больше того – отважного действия.

Цжозеф Конрад.

Залы нижнего этажа Третьяковской галереи открывались в тот день позднее обычного. Это «окно» и намеревались использовать альпинисты, чтобы в тишине осмотреть выставку гималайских полотен Н. К. Рериха. И не просто осмотреть, но послушать комментарии такого гида, как сын прославленного академика живописи Ю. Н. Рерих.

Был здесь и Летавет. Хотел забежать на пол часика. Но миновал час и второй а он не мог оторваться от полотен великого художника. С картин глядели Гималаи – третий высотный полюс планеты. Мудрый и не постигнутый до конца мир вершин, который во всей его мудрости открыл людям наш соотечественник, четверть века проживший в странствиях, не уступавших экспедициям Пржевальского. Понимающие в этом толк альпинисты с уважением оглядывали и Юрия Николаевича Рериха, ориенталиста мировой известности, убежденного туриста и альпиниста.

Он навсегда вернулся на родную землю. С ним – переданное в дар народу уникальное собрание полотен. Летавет, за плечами которого к тому времени было с десятков экспедиций только на Тянь-Шань и Памир, в том числе и обнаружение самого северного семитысячника планеты – пика Победы, будто заново открывал для себя горы. «Так еще не чувствовал вершины в живописи никто», – думал он.

Многочисленное пересечение Гималаев. Тридцать пять пройденных перевалов. Чья-то незримая рука держит их пять зимних месяцев на тибетском плато Чангханг... Летние палатки. Легкая одежда. И это на высоте пять тысяч метров над уровнем океана! Пали девяносто два верблюда. Умерли пятеро участников. Нужно ли говорить, с каким близким к благоговению чувством вглядывались альпинисты в «Огни пустыни» или «Твердыни Тибета», привезенные академиком из этой экспедиции в числе еще пятисот полотен и этюдов. Рериха, русского художника, альпиниста и путешественника, вся Индия уважительно величает ныне «Гуру» – «Учитель жизни». Место его упокоения в долине Кулу – один из центров паломничества.

Все уже перешли в следующий зал, а Летавет стоял будто пригвожденный в опустевшем зале лицом к лицу с вершинами. Темпера «Помни!». Сюжет уместается в пяти словах. Всадник, покидающий хижину в горах. Извечный, почти банальный мотив. Но разве исчерпывает название то, что таит в себе картина? Разве только в колористических эффектах трепет ее души?

Перед Летаветом на полотне был житель гор. Незнакомый, но такой похожий на тех караван-баши, с которыми шел и он моренами, снегами, льдами Ашутора, Сарыджаса, Иныльчека. Горец покидал горы. Вершины цвета расплавленного золота вставали по полотну все возрастающими ярусами, которые встречались с самым небом. Так они встречаются с ним и на Тянь-Шане, чье имя в переводе – «Небесные горы».

Так прощался с вершинами и Летавет.

Рассказ об экспедиции в сердце Тянь-Шаня

А в этот час блаженства, отдыха, умиротворенности словно вонзается в память и в сердце игла расставания. Рассказывал же Рерих о письменах у подъема на один из тибетских перевалов, подъема, отмеченного пунктиром скелетов: «Научились ли вы радоваться трудностям?»

Летавета научил этому Тянь-Шань.

Он мечтал об этих горах еще в те годы, когда все помыслы географов и альпинистов сходились, как в фокусе, на Памире. Отдал ему дань и Летавет. Но однажды в уютном особняке Дома ученых он услышал доклад об экспедиции к Хан-Тенгри, откуда только что вернулся альпинист Погребецкий.

Высокий, подчеркнуто прямой, Михаил Тимофеевич рассказывал об эпопее борьбы за величайшую, как тогда считали, гору Тянь-Шаня. Это была не первая экспедиция на Хан-Тенгри, но сейчас русским спортсменам удалось то, чего не смогли свершить не только исследователи Императорского

Русского географического общества и Военно-Топографического депо, но и асы мирового альпинизма, чьи альпийские союзы насчитывают богатую историю и кто с гордостью именуется «академическими». То, что встречали исследователи на Тянь-Шане, повергло их в трепет. Вот три свидетельства из сотни.

Готфрид Мерцбахер – великолепный альпинист и исследователь гор (1843 – 1926), за свою книгу о Кавказе удостоенный Мюнхенским университетом звания доктора наук. Четыре его труднейших экспедиции на Тянь-Шань вошли в летопись мировых географических открытий: «Даже наблюдатель, видевший самые высокие в мире горы Гималаи, Каракорум и т. д., невольно испытывает чувство изумления и восхищения при виде величайших гор на южной границе долины Иньльчек».

Николай Николаевич Михайлов, географические книги которого знают далеко за пределами родной страны, в тридцатые годы был участником маленькой отважной экспедиции, снаряженной в сердце Небесных гор журналом «Знание – сила»: «В горах залегала безвестность, а значит ужас. Китайская ученость остановилась перед горной страной в мистическом страхе – «Здесь трудно избежать смерти».

А вот документальный отчет топографов: «Хребет нигде не доступен и всюду покрыт вечным снегом. Наука будет делать открытия в Центральном Тянь-Шане, исследует ледники, разроет недра земли в поисках разных богатств, но наука не победит природы Тянь-Шаня, и эта природа будет защитой кочевников от напора цивилизации, а в далеком будущем они останутся живыми памятниками первобытного человечества».

Смогут ли русские спортсмены осуществить то, что не удалось их многоопытным предшественникам? Время ответило на этот вопрос утвердительно. Хотя на то, чтобы «разрубить» тянь-шаньский «узел», уйдет три десятилетия.

Погребецкий и Летавет думают о грядущем восхождении

Еще с тех лет, когда устремился сюда наш славный соотечественник Петр Петрович Семенов, получивший позже титул Тянь-Шанского, стало очевидно, что идущий в горы ученый с неизбежностью должен стать спортсменом, а альпинист – ученым.

Погребецкий хорошо понимал это. Он отверг утверждения штурмовавших Гималаи видных британских альпинистов: научные де задачи только отвлекают от главной цели – покорения вершины. Отверг и опроверг всем ходом своих пяти тянь-шаньских экспедиций. Они совпали с бурными годами первой пятилетки. «Мы были ее разведчиками, – говорил он в Доме ученых. – Центральный Тянь-Шань встал на очереди, дикий и малодоступный. Но белые пятна его карт требовали топографической съемки, горные богатства – геологических исследований, огромное оледенение – пытливой работы гляциологов».

Зал внимал рассказчику. В каждом подлинном ученом таится душа скитальца. Летавет видел в зале неподалеку от себя и академика Обручева, и физика Тамма, и историка-англоведа Лавровского, и математиков Бари и Немыцкого. При разности научных интересов всех их сближала духовная окрыленность, общность интересов спортивных.

Хан-Тенгри! Погребецкий видел его сначала от озера Бороготасу, потом с Иссыкатканского гребня, с перевала Капках и с покрытых эдельвейсами сыртов Сарыджаса, этих плоских возвышенностей, когда уже после наступления по-южному стремительной, по-тянь-шаньски непроницаемой ночи вспыхивала опаловыми и рубиновыми тонами его вершина.

Первое впечатление, как первая любовь, полно трепетных сомнений. А в том двадцать девятом году только дневнику доверил альпинист охвативший его восторг: «Как проникнуть в этот ледяной мир? Отсюда это кажется невероятным». Минуло пять лет, и Погребецкий теперь уже смог поведать о том, как были сделаны последние мучительные, невозможные

шаги, и все они – Михаил Погребецкий, Борис Тюрин, Франц Зауберер – не сразу увидели, постигли, поверили – выше некуда. Вершина!..

«Когда одно желание исполнено судьбой, тотчас еще мечтания являются гурьбой». Так поют на Востоке. Вернувшись из Дома ученых, Летавет решил: «Вот куда надо ехать. Вот что сулит неожиданное. Оно там повсюду». Еще больше подхлестнули его строки И. В. Мушкетова: «Все путешественники, проходившие с той или другой стороны Хан-Тенгри, удивлялись колоссальности его размеров, обилию снегов и пр., но довольствовались только созерцанием его издали и не решались приблизиться к этому колоссу». Даже Семенов, но собственному его выражению, только «поднял непроницаемую до того времени завесу, скрывавшую в течение тысячелетий снежные вершины Тянь-Шаня». То, что сделал Погребецкий, это здорово, но еще не все. Только начало.

И Летавет решает отпуск ближайшего лета посвятить Небесным горам. Думал ли он, что это «лето» растянется с года тридцать второго по сорок шестой и будет у него таких экспедиций на Тянь-Шань восемь?

Здесь может пройти не каждый

Каждая экспедиция взбирается в горы «на плечах» своих предшественников. Летавет внимательно листает тянь-шаньскую летопись; ибо помимо покоренного Погребецким хребта Тенгри-Таг с вершиной Хан-Тенгри есть еще сорок два хребта, и не там ли, где-то сразу за углом, может таиться неизвестное?

В те годы и альпинисты и географы утверждали: Хан-Тенгри – своего рода солнечное сплетение горной страны. «В массиве Хан-Тенгри звездой сходятся и завязываются узлом главные Тянь-Шаньские хребты: Кунгей-Алатау, Терскей-Алатау, Кокшаал-Тау» (Н. Н. Михайлов). «Хан-Тенгри – высшая точка горной страны. Здесь нет и не может быть

вершин, превосходящих ее. Не может быть второго семитысячника» (Г. Мерцбахер). Это мнение складывалось с конца прошлого века, когда стали известны отчеты больших зарубежных экспедиций, одна за другой пополнявших свод сведений о Небесных горах. Начало же им положили еще паломники Востока.

Год 629-й Сюань Цзань. Ему было двадцать шесть, когда, нарушив запрет богдыхана, он та1ком отправился в Индию, к истокам буддизма. В пути, который затянулся на шестнадцать лет, он потерял тринадцать сопутников: «Накопившиеся здесь с начала мира снега обратились в ледяные глыбы, которые не тают ни весной, ни летом. Гладкие поля твердого и блестящего льда тянутся в беспредельности нависшими с обеих сторон высокими ледяными стенами. Холодный ветер дует с силой, и путники часто делаются жертвами драконов. Идущие по этой дороге не должны носить красной одежды и издавать громких криков. Не брать с собой тыквенниц. Тот, кто забудет эту предосторожность, может подвергнуться всяким несчастьям. Здесь трудно избежать смерти».

В трудах ученых Востока, которыми руководствовались и Гумбольдт и Риттер, можно прочитать: «Местоположение этой земли так высоко, что верхние звезды светят здесь так же сильно, как и низшие» (Си-юй-выньцзень-му). И еще сообщали они, что в горах Тянь-Шаня водится существо по имени ся-цзань-дуи-чжук, летом – это растение, когда же лягут снега – животное. А дракон одного из озер умертвил посредством заклинаний целый караван из Бадахшана.

Вот какие здесь горы!

Трудная вершина Хан-Тенгри

Год 1899-й. На Тянь-Шань пробиваются путешественники из Австро-Венгрии. Они известны как покорители не одной высоты в Альпах – это Георг фон Альмаши и Рудольф фон

Штуммер-Трауенфельс. Но Хан-Тенгри даже не подпустил их к себе.

Год 1900-й. Представитель Савойской династии пожелал нанести визит вежливости хану Восточной страны. В экспедиции – князь Чезаре Боргезе, доктор наук Броккерель, известный швейцарский проводник Цурбриген. В интервью перед отъездом его светлость лаконично формулирует цель: «Взобраться на Хан-Тенгри. Вы спрашиваете о преградах на этом пути? Для альпинистов моего класса их не существует».

Па перевале Кашкатер они сверяют натуру с картой. Почему же этот белый массив на горизонте представляется более высоким, чем даже Хан-Тенгри? Быть того не может! Некий оптический обман. Смутил их и изборожденный трещинами, вздыбленный Иныльчек протяженностью в десять-двадцать знакомых им альпийских глетчеров. Лошадей по этом хаосу не проведешь. Сунулись в каньон реки Кой-Каи. Троп нет, коней надо вести по руслу реки. «Нет, господа, такой альпинизм не для нас!» Сделали парочку третьестепенных вершин, и – прощай, Тянь-Шань!

Год 1902-й. Здоровенный рыжеусый господин через переводчика представляется уездному начальству Каракола. На визитной карточке с золотым обрезом готическим шрифтом – «Готфрид Мерцбахер, доктор философии, член немецко-австрийского академического альпклуба, Мюнхен».

Мерцбахер более двадцати лет стоял во главе фирмы, торговавшей мехами. После пикника в окрестностях Байерсдорфа «заболел» горами. Скальные массивы Доломитов, Пиренеи. Вечные снега альпийских вершин. Эльбрус, Казбек, Джанги и Тетнульд на Большом Кавказе. Успел даже побывать в Гималаях и горах Африки.

Экспедиция Мерцбахера была ближе всех к цели, но на Иныльчке остановило озеро, запиравшее от одного борта до другого всю долину (Погребецкий назовет его «озером Мерцбахера»). Хан-Тенгри надежно укрылся стеной хребтов, и, когда на пути к нему альпинисты начали подъем на

безымянный пик, под ними со зловещим шуршанием сполз пласт свежего снега. Лавина! Тот, кто бывал на Тянь-Шане, знает, что они сходят с перегруженных снегом склонов чуть ли не по графику.

Немцам повезло: двести метров скоростного спуска по склону, и снежная масса притормозила в выемке.

Относительно невелики чисто спортивные трофеи Мерцбахера в смысле покоренных вершин. Он даже напишет в назидание последующим альпинистским поколениям – Центральный Тянь-Шань де неподходящее место для удовлетворения спортивных интересов. Зато для познания края он сделал немало. Ну хотя бы это. Его предшественники были уверены, что Хан-Тенгри вздымает свою мраморную главу в верховьях стекающего с его склонов ледника Семенова. Пунктуальный альпинист прошел по всему леднику и не обнаружил никаких признаков вершины: отсюда нет даже подходов к ней.

Старик рассказывает о горах Тянь-Шаня

С панорамных точек Баяккола Мерцбахер не только сориентировался в лабиринте хребтов и долин, но понял, что путь в сердце Тянь-Шаня лежит по Иныльчеку. Сюда он доберется год спустя.

«На глетчере Иныльчек лежит целый хаос огромнейших глыб, перемешанных с мелкими обломками и засыпанных сором и песком, – пишет Мерцбахер. – Этот покров из сора имеет больше ста метров в толщину. Вследствие атмосферных влияний, разъедания и движения глетчеров этот покров принимает форму и рельеф настоящих гор – с долинами, цепями, вершинами и котловинами. Переход через эти сорные горы очень утомителен и продолжителен: поднявшись на высокий гребень обломков, нужно сейчас же спускаться вниз, в глубокие ямы, и снова подыматься, что бывает особенно неприятно, когда по выходе из этих гор попадаешь

на гладкий лед. При всем старании на такой почве нельзя пройти в день более пяти-шести километров».

В награду за все пережитое с южного борта ледника предстал Хан-Тенгри. Когда Мерцбахер подошел к нему, он усомнился в том, что вершина – узел хребтов, как до него полагали и как это окончательно установят альпинисты наших дней.

Летавет впервые встретился с Тянь-Шанем летом тридцать второго года. Он не был уверен тогда, что удастся с первого захода сделать что-то. Первый выход был пристрелочным: перевалить через Терской-Алатау к истокам реки Нарын, подняться на пару-тройку вершин и, конечно, познакомиться с местными обычаями. Летавет шел в компании с биологом Энгельгардтом. Друзей сопровождали жены.

Тянь-Шань, начиная от теснины Боома, встретил миражами... Пробежит по голубизне неба волнистая, параллельная земле белая молния, и, пока вытацишь фотоаппарат да закрепшишь стеклянную пластинку, опять только небо, только голубое. А на горизонте дрожат, словно парящие в высоте, вершины. Не о них ли поет старик в аиле, где тебя угощают кислым пенящимся, хмелящим кумысом:

Огромная вершина видна,
Разве простой хребет она,
Который перевалить легко.

– Наш Манас, – объясняет девушка с добрым десятком тугих косичек. – Абаке, по-вашему – «дедушка» значит, помнит много. Но пропеть все – полгода надо. А вам попить – и скорее на Иссык-Куль.

– Амандык, жакебай? – щурится дед на Летавета.

– Спрашивает, здоров ли, дяденька?

Летавет почтительно благодарит. Достает из рюкзака горчичники: старик жалуется на ломоту в спине.

– В горы идешь, русский человек, – переводит киргизка. – Мой дед желает тебе мягкого пути, эр Аугуст. Говорит: идешь ты в страну между истиной и сном, где еле видимые чабаны пасут призрачных баранов и выходят на охоту львы из одного пара. Вот что за страна у Кан-Тоо.

– Так они зовут Хан-Тенгри, – бросает Летавет спутникам, пока старик раскуривает трубку.

– Сто дней гляди на Кан-Тоо, и во все сто не насытишь взор. А по снегу пойдешь, вспомни: самая мягкая походка у тигра. Так и горы. Рассердишь – и наденут на тебя смертный чапан. Умно ходи. Не серди злых тенгрий, дядя.

Старик, кряхтя, вкладывает в руку Летавета обкатанный камешек.

– Дарит тебе джой. Из желудка овцы. Меняет дурную погоду на хорошую.

Ветер по имени Улан в Боомской теснине задувал навстречу с такой силищей, словно идешь по гребню хребта. Но полную силу он набрал в поселке Рыбачье на берегу Иссык-Куля. По обезлюдившим улицам летела, подобно шрапнели, галька. С западных стен халуп обваливалась штукатурка. Бурлил Иссык-Куль, свинцовые волны внушали недоверие к рассказам о том, что нет более синего озера во всем свете.

– На Проживальск? – осведомились на пристани.

– Точно, в Пржевальск.

– Пойдет порожняком за маком автомашина, на ней доберетесь надежнее. Рейсовый пароход может задержаться.

Пржевальск был похож на раскинувшийся под жарким небом живой, галдящий, многоязычный музей. Здесь сталкивались на пыльных, обсаженных тополями улицах Россия с Семиречьем, страной «за Ильей» (рекой Или), как по-своему величали ее лихие чубатые казаки.

Если ищите тайский массаж на Чеховской приходите в СенСип. Расслабляющая атмосфера и классные спецы.

Отдых альпинистов в долине

С нескрываемым восхищением наблюдали путники за поваром дунганской харчевни. Весело подмигнув заезжим гостям, он подбрасывал в воздух тесто жестом манипулятора, вращал его, и вот уже бесформенный ком превращался в сотню аппетитных нитей азиатской лапши.

– Ходи, позалюста! – повар подает миску и палочки, вилки и нож здесь не в ходу. Палочками изволь управляться даже с лапшой.

– Айда теперь в ашхану!

Низкий зал с застеленными кошмой нарами. Надо научиться сидеть поджав ноги. «Отличная тренировка для голеностопов, – бросает Летавет. – Пригодится на осыпях». Чалмы, бараньи шапки, чапаны из верблюжьей шерсти. Клиенты поднимают головы. Вежливо здороваются. По-киргизски, по-уйгурски, дунгански, узбекски.

Для начала – по пиале кумыса. Киргиз сует в кожаный мешок-чанаш пиалу. Один аллах ведает, когда ее мыли. Скорее всего, когда вынимал из печи гончар...

Зато еда отменная. И суп шурпо, и пирожки-манты, и пилав.

В парке неподалеку от старинной церкви Семиреченского казачьего войска с ними раскланивается высокий тощий человек с острой бородкой, в клетчатых гольфах и киргизском акколпаке:

– Калесник Станислав Викентьевич.

Новый знакомый возглавляет большую гляциологическую экспедицию. Ее цель – ледник Петрова в его взаимосвязях с системой Карасайского оледенения.

Калесника интересовали ледники. Летавета – перевалы и вершины. Сошлись на том, что одно другому не мешает. Ехал же Ошанин собирать коллекцию чешуйчатокрылых, а добавил в нее, как-никак, ледник Федченко, целую ледяную реку в семьдесят верст с лишком.

А сам Федченко? Изучал паразита ришту, а открыл высшую точку Заалайского хребта, более семи тысяч метров над уровнем океана. В его времена у нас не знали более высоких.

Да, альпинисты, забираются туда, куда не всегда добраться гляциологу. А мир открытий поистине неисчерпаем. Уверял же авторитетный «Географический словарь» Джонстона: существование глетчеров на Кавказе «недостовверно». Между тем альпинистски настроенный Буш обнаруживает тридцать лет спустя сто ледников только в Домбае и Архызе. А кто как не альпинисты открыли целое море льдов у хребта Академии наук!

Слушая Калесника, Летавет вспоминает и свой памирский поход.

Яркие цвета Средней Азии

Листая через несколько лет отчеты экспедиций Второго Международного полярного года, Летавет прочитает у Калесника о том, как продвинулось у нас изучение ледников – этих складов твердой воды, которые определяют поведение многих горных рек.

«От Кавказа по ту сторону Каспия лежит мир высокогорий и пустынь Средней Азии, – писал С. В. Калесник, – область величайших контрастов, где местами снеговые поля почти непосредственно смыкаются со знойными песчаными просторами. Горные цепи, начинаясь от южной оконечности Каспийского моря, непрерывным валом тянутся к востоку на тысячи километров, то сплетаясь в узлы, то расходясь веером. Если при всей своей сложности Кавказ характеризуется все же какимто единым планом построения,

то поднятия Средней Азии состоят из разнородных элементов, отличающихся и по возрасту, и по генезису, и по внешнему облику.

Ледники Средней Азии изучены еще меньше, чем ледники Кавказа. До сих пор здесь есть районы, которые не освещены даже географически».

Иссыккульская котловина, куда вышли путники, напоминала цветное море. Маки всех оттенков: цвета киновари, цвета снега, индиговый, фиолетовый, Если надрезать коробочку, сочится сок цвета кумыса. Застывая, становится темно-бурым.

Пыль и жара сменились ровной свежестью горных ущелий. Изумрудного цвета колоннами встали по склонам ели Шренка. С хрустальным перезвоном лились ручьи. Ближе к горам потянулись волнистыми увалами однообразные сырты.

Летавет наклонился, галантно подал спутницам по цветку. Скромное, муарового оттенка растеньице. Изнутри как бы утеплено пушком. От соцветия отходят звездами лепестки. Длинные ворсинки наполнены воздухом, одеты густым войлоком. Это их защита от холодного воздуха снежных гор, гарантия и от бед, что несут с собой сухие ветры пустыни Такла-Макан.

– Пожалуйста: легендарный эдельвейс. Где-нибудь в Альпах за этим цветком-символом лезут черт те куда, срываются, гибнут. А здесь его топчут и жуют наши коняги.

Каждый заложил в страницы книг или тетрадок аккуратно расправленные звездочки-лучи.

Солнце съедает метровый снег

И снова в путь! Позади перевал Джукучак, утопанный идущими на альпийские луга стадами. Караван уже приближался к реке Нарын, когда караван-баши Акимкан, ведущий купленных в Пржевальске коней, недоверчиво уставился на смутно белевшую на горизонте стену хребтов. В

направлении движения его руки взгляделся и Летавет... Желтоватая, похожая на огромную вуаль дымка дрожала и замирала где-то далеко за амфитеатром хребтов.

– День жди, два жди, – медленно начал Акимкан. – Три будет буря.

– Там, если не ошибаюсь, пустыня Такла-Макан, – вспомнил карту Энгельгардт.

– Она самая. Где чуть не погиб такой опытнейший путешественник, как Свен Гедин, – ответил Летавет.

– Правильные слова говоришь. Здесь еще два дня ходить можно, третий – прячь голову юрта. Плохо будет.

– Тебе лучше знать, – согласился Летавет, и они заторопили лошадей.

Действительно, снежная буря двигалась им навстречу, но понукавший коней Акимкан успел довести караван до возникшей словно на каменном острове высокогорной обсерватории.

Через час захлопали форточки, загудели провода. Медленно, словно высматривая место для посадки, снижались белые паранпотики первых снежинок. За ними хлынул сплошной белый поток снега и ветра. Так продолжалось ночь и день, и еще ночь. В середине июля установилась зима – метровый пласт снега. А день спустя яркое, слепящее солнце буквально съело снег. И ни одной лужи. Как пришел он с неба, так и ушел в него, только недолговечные подтеки на валунах держались. Еще одно свидетельство странного нрава ТяньШаня.

И все, как в начале... Небо цвета незабудок. Штиль. И словно включивший тысячи юпитеров, весь в сверкающем, ослепляющем одеянии пик Сарытор, от которого стекает к обсерватории одноименный ледник.

Ах, до чего красив снег Сарытора! Знает Летавет зимы Подмосковья, зернистые фирновые поля Казбекского плато и памирского хребта Петра Первого. Но твой снег, Сарытор...

Нет, это не российский покладистый снежок на лыжне. И не тот северный, сибирский, из которого, провожая зиму, воздвигают снежные городки для молодецких игр, запечатленных Суриковым. Такой снег сгодился бы разве что Данте для одного из кругов, на которых подвергаются изощренным пыткам отъявленные грешники.

На первом же подъеме Летавет увяз по грудь в мучнистом, сухом, сыпучем, похожем на пудру месиве. Вытащил ногу. Смахнул липкий пот. Начал тяжелым окованным ботинком вытаптывать ступень. Напрасный труд! Пока утаптываешь вторую, первая уже оползла вниз. Сдвинул на затылок картуз и, наваливаясь всем телом, помогая руками и ногами, стал пробивать подобие траншеи. А здесь уже крутовато. А до вершины – все пять тысяч сто метров – топать и топать.

Но ко всему привыкает человек. И, когда на третий день они вышли на снежный купол и перед ними мигом раздвинулся горизонт, забылось все. Летаветом овладело неудержимое, несильное, подобное порыву любви, ощущение. Первая его Тянь-шаньская вершина взята.

Помня заветы милейшего Калесника, он извлек потертую на сгибах карту, чтобы прикинуть что к чему. Отсюда, с пятикилометровой выси, было отчетливо видно, как левая ветвь ледника Петрова вливается в Карасайский ледник. А ведь на карте-то она не показана вовсе!

В том же августе группа Летавета одолела перевал Ак-Огуз (Белый бык), которым так и не смог пройти Мерцбахер. Не раз еще осматривал Август Андреевич с перевалов хребет Акшийрак. Не здесь ли таятся неведомые ледники и высоты?

Замкнуто кольцо путешествия. Алма-Ата. Позади Тянь-Шань – от самого северного его хребта Заилийского Алатау до самого южного, никому неведомого Кокшаалтау.

У врат тысячелетних тайн

Величие души подобно горным вершинам, на них обрушиваются вихри и их обволакивают тучи, но дышится там легче и привольнее. Свежий и прозрачный воздух очищает сердце от всякой скверны, а когда рассеиваются тучи, с высоты открываются безграничные дали и видишь все человечество.

Ромен Роллан.

«Я чувствовал, что на многие годы связываю свою альпинистскую деятельность с Тянь-Шанем, – писал Летавет в дневнике. – Получалось, что одно путешествие вызывало необходимость следующего, одна разрешенная задача логически ставила другую и требовала своего разрешения. Я решил отправиться к самому отдаленному хребту Кокшаалтау. В Москве нам не удалось найти никаких сведений о том, что эти места кем-либо посещались».

В горах затянувшаяся снежная зима. Позднее таяние. И первое препятствие на пути – реки. Храпят, подойдя к воде, привычные киргизские кони, и глаза их наливаются кровью, когда караванчики загоняют их в мутный, бешено играющий струями поток.

Не пускай коня по течению! Понесет, закрутит, завалит.

Не держи ноги в стремях. Не успеешь вытащить, если свалится под тобой конь.

Не гляди на воду. Закружится голова, потеряешь равновесие.

Тихий сиреневый вечер на сыртах. Где-то уже кличут друг друга птицы ночи и бьют невидимые крылья в темноте. Караван идет. В холодеющем воздухе возникают навстречу еще не голоса, только запахи. Сначала горьковатый запах дыма. Потом кисловатый – кизяка. Потом сырный запах скота.

Киргизская летовка. «Спасибо тебе, хозяин. Ни пожить у тебя, ни поохотиться не можем: спешим в ущелье Джаголамай».

Прошлогодня команда Летавета имела, так сказать, биологический профиль, в нынешней – преобладают математики. И Немыцкий и Гольцманы – неутомимые ходоки, лыжники, исходившие многие перевалы Балкарии, Сванетии, Хеви. Но такого, как Тянь-Шань, они невидали.

Еще в Москве, разглядывая на карте сплетения коричневого (хребты), зеленоватого (ледники), голубого (реки), Летавет мысленно отметил подкову, которой смыкаются хребты Чакыр-Корум и Борколдой. Вот где могут залегать неизвестные ледники, оказаться достаточно высокие вершины...

С перевала Кубергенты он видел словно разлинованную шахматными квадратами пустыню Качаляган, за ней великий хребет Кокшаалтау. Видел сползающие с хребта мощные ледники. Но порожденные ими реки, вместо того чтобы избрать самый легкий путь, круто поворачивают на юг, и капля воды не просто точит камень: она прогрызла путь сквозь вознесенный на огромную высоту хребет. Еще один из капризов Тянь-Шаня?

Осенью в Доме ученых он покажет карту и на ней новые названия. Ледники Григорьева и Пальгова, пики академика Шмидта, Кзыл-Аскер («Красноармеец»), Джолдаш («Товарищ»). По рукам пойдет фотография открытой им горы. «Позвольте, Август Андреевич! Ваш пик Шмидта – двойник знаменитой гималайской Канченджанги». Да, пожалуй, верно. Такой же изгиб купрла и мощный снеговой покров. Ведь и название Канченджанга значит «Пять сокровищниц большого снега». Здесь его не меньше.

В Институт географии, куда он отдал схемы ледников и образцы фауны миллионолетней давности, его горячо благодарили. Но он сам недоволено похмыкивал. Лукав, повосточному недоверчив Тянь-Шань. Прячет в кубышке главные свои сокровища.

Много гор в истоках Иныльчека

И опять Летавет вчитывается в историю Небесных гор. На что уж дотошным был Мерцбахер, и тот попался на удочку: подобрал на леднике Кой-Кап мраморы и сланцы, совсем такие, как в истоках Иныльчека, и с чистым сердцем проставил на карте шестидесятикилометровый глетчер Кой-Кап, который сходится у него в верховьях с Иныльчеком. А оказался-то Кой-Кап в другом вовсе месте и втрое короче.

Или вот, пишет он о моренном покрове Иныльчека: «Этот покров из сора имеет больше ста метров в толщину». Вслед за Мерцбахером эти «сто метров» повторили учебник «Физическая география» (С. П. Суслов, 1947) и монографии В. В. Сапожникова и Р. Д. Забирова. Когда гляциолог, турист, спортсмен Г. А. Авсюк в наши дни исследовал морену, он не поверил глазам своим. Мощность моренной покрывки не превышает тридцати-сорока сантиметров (не метров!), чаще же десять-двадцать.

Иной скажет: «Подумаешь, какая разница, какая нам от этого корысть?» «Корысть» не так уж мала. Чтобы сохранить ледник от чрезмерного таяния, нужен моренный плащ толщиной в три метра. За последние три столетия Иныльчек отступил метров на триста. А от запасов с аккумулятивной в нем влаги, от скорости таяния ее зависит, много ли воды получат пастбища, поля, сады, реки.

Много тысячелетних тайн и загадок хранит в себе Страна Небесных гор. Летавет понимал: он только подошел к воротам этих тайн. Он еще только догадывается, что, быть может, главные секреты спрятаны на той окраине, где лед, где высота, где риск, где Кокшаал.

И опять, в очередной сезон, вместе с К. С. Летавет, И. Е. Мароном и Л. П. Машковым продвигается он в том же направлении. В походном его дневнике можно прочитать: «Прежде всего – расширение прошлогодних исследований в направлении на восток. Была заветная мечта – обратиться к месту прорыва Узенгигуша через Кокшаалтау. Топографы честно обозначали это место белым пятном».

«Белые пятна» не давали покоя не одному Летавету. В те тридцатые годы русские альпинисты покоряли одну недоступную вершину за другой.

Крупный пик к западу от Хан-Тенгри

Год 1933-й – пик Сталина, ныне пик Кабанизма (7495 метров). Год 1934-й – пик Ленина (7134). Ранее, как уже говорилось, был покорен Хан-Тенгри. Эти победы вдохновляли Летавета, он верил, что где-то ждет и его вершина. Но, как истинный ученый, основывал свою веру не на эмоциях, а на придирчивом анализе фактов, которые давали ему предыдущие экспедиции. Вот, к примеру, бывал на Тянь-Шане русский ученый Василий Васильевич Сапожников. Томский ботаник, пополняя свой гербарий, в не меньшей мере пополнил и коллекцию познанных гор. Точность его географических и альпинистских наблюдений не вызывает сомнений. В Сапожникове билась жилка восходителя, она заводила его на гребни, где ни одна былинка не могла порадовать сердце ботаника: голые камни, грязный лед, беспощадный ветер Санташ. Но здесь, как вспоминал он, перед ним открывалась «поражительная по своей грандиозности картина» уходящих на юг хребтов.

«Большая часть вершин имеет форму пирамид или неправильных конусов с округлыми верхушками, но одна из них, лежавшая от нашего пункта почти прямо на юг, пятая крупная вершина к западу от Хан-Тенгри, резко отличается от остальных своей причудливой формой; восточная часть вершины почти горизонтально усечена, давая посередине небольшой выступ, но зато за ней внезапно переходит в крутой коготь, загнутый к востоку.

От него вниз отходит острая снежная грива, основание которой сливается со снегами, заполняющими глубокую долину. На склонах этой вершины, как и на многих других, мы видим характерную полосатость, зависящую от

неравномерного сползания скопляющегося снега и образующихся от этого трещин».

Между Терскеем и Кокшаалом скромно притулился небольшой по тьянь-шаньским масштабам хребетик Куйлю. Этакая оледенелая эстакада, соединившая Агапийрак и Сарыджас. «Лучами распространяющиеся горные цепи», – говоря словами Палласа. Туда держит путь Летавет.

Караван-баши Онкул, киргиз, с заткнутой за голенище камчой, еще на вьючке доказал, что с ним можно пускаться в трудный путь. Когда его низенький мохпатый конь норовит остановиться, всаднику достаточно выразительно покрутить камчой перед его мордой, чтобы он, понимающе прянув ухом, перешел на рысь. Когда же, почуяв близкий привал, в виду возникающих юрт кони припускаются вскачь, киргиз сердито придерживает их. Выговаривает Летавету:

– Ай, не знаешь? Идешь нападать разве? Дурное что задумал разве? Ты гость, и не пугай хозяина. Не налетай на аил, как злая буря. Видишь, как хорошо, под косачом въезжать будешь. Счастливый будешь.

Урок степного этикета нравится путникам.

Яркая звезда на черном небе

Мелкий грибной дождик затихает, гуще задышали тьянь-шаньские ели. Над зеленой террасой, соединяя борта ущелья Тургень-Аксу, дрожит, переливается радуга.

– Небесный косая. Видал у нас такую веревку с петлями, овечек ловить?.. А этот косач на небе, – посмеивается киргиз в усы. – Хозяйкой на небе даже шибко старая старушка. Овцы у нее какого хочешь цвета. После дождя она их доить будет.

Быстро темнеет, все утомились. Но пыливый ум Клименкова, видного химика, не позволяет ему оставить в покое киргиза.

– А что такое по-вашему гром?

– Очень просто что. Заржал небесный жеребец. – И, чмокнув губами, непонятно к чему восклицает: – Моя выше!

Вечером любитель доброй компании Клименков извлекает засекреченную от Летавета приятно побулькивающую бутылку, они с Онкулом закусывают диким луком и долго глядят на темный свод неба, на россыпь звезд. Когда одна из них начинает скользить по дуге, киргиз наставляет:

– Всякая звезда – это гора из дорогих камней. И у моей души, и у твоей души своя звезда на небе. Умрешь – и она упадет. Жить хочешь, увидишь, какая звезда падать начала, кричи скорей: «Моя выше».

Степной пастух, живущий вдалеке от планетариев и лекториев, втолковывал известному ученому азы степной космогонии. «Первая, что вечером загорается («Ага, Венера!») – наша Пастушеская: идет по небу, баранов в аил на ночь загоняет. Где их много вместе («Понятно, Большая Медведица»), вон на самом верху, – Джеты-Каракчи, то есть «Семь молодцов». А к тому Темир Казыку – «Железному Колу» («Так, Полярная звезда») привязали двух белых коней. Семь молодцов хотят их угнать, всю ночь гонятся за ними по небу, до самого утра вокруг кола вертятся. А догонят когда тех коней, тогда свету конец.

Поутру Онкул обсуждает с хозяином путь до Кушцо.

– Что он тебе сказал? – осведомляется Летавет.

– Пойдешь и пойдешь, все по своей тени пойдешь.

– Так, так... Сориентировал нас по солнцу.

Клименков – завзятый спортсмен. Летом ракетка и весла четверки-«скиф» на Москве-реке. Зимой тяжелые, окованные лыжи – телемарки из канадского ореха – гикори и летящие навстречу склоны на Воробьевке. Он воспринимает спорт как скорость, и поначалу его раздражает темп, взятый ими на склонах Каракольского пика. Летавет, словно перебарывая паралич, подтягивает ногу, за ней также не спеша другую. Со стороны выглядит как съемка рапидом. Тягомотина какая-то!

Но это не мешает им достичь на второй день неплохой высоты «5100» на ледяной стене Каракольского пика. А больше Летавету и не надо. Это еще не восхождение, только акклиматизация, вроде высотной разминки. И с вершины он может разглядеть острые пики Куйлю, прорвавшие пелену облаков.

С перевала Торпу Летавету открылся весь строй вершин Куйлю с продолжающим его к востоку Сарыджасом.

Назавтра после спуска Онкул долго бродит по берегу. «Плохой вода... И опять совсем плохой». Его не торопят. По каким-то своим, не предусмотренным учебниками признакам он отыскивает брод. А что углядишь в мутной, злобно плюющей реке?

– Лошадь твоя упадет, – наставляет киргиз полюбившегося ему Клименкова, – все равно не плавай сам, за хвост держись. Лошадь сильнее мужика.

Мы достигаем верховье Талдысу

После переправы Летавет объявил дневку. Сначала пересчитали людей. Потом вьючные сумы и рюкзаки. За ними – коней. Полный порядок. Но надо обсушиться самим и подсушить груз. Вечером обсудили дальнейшие планы. Решили обследовать вершины Куйлю. Ближайшая цель – достичь верховьев Талдысу. Где-то над ними, очевидно, и должны быть главные вершины хребта,

– Судя по карте, – вглядывается в развернутые листы Клименков, – между реками Большой и Малой Талдысу каких-нибудь пять километров. Квадрат поисков по тьянь-шаньским масштабам, прямо скажем, невелик.

– Базовый лагерь хорошо бы разбить на морене этого ледника. Так, Онкул?

Онкул вместе со всеми склоняется над картой. Он почти не читает по-русски. Вряд ли проходил географию. Но как точно узнаёт он реки, хребты, перевалы! Вот так же читают карту и

таежный охотник эвенк, и повстречавшийся в далеком ущелье старик осетин. Ткнут корявым, похожим на корень пальцем, и окажется, что обозначенная здесь вот речушка давно пересохла, только сухое русло-сай осталось. А тут не будет никакой тебе дороги через хребет, только обвал, где все лето сходят каменные, а зимой снежные лавины.

Слушай и слушайся его, путник!

И Летавет внимал советам караван-баши. Онкул передвинул место их лагеря на травянистую площадку над ледником Малый Талдысу. Но сколько они ни вглядывались отсюда, ни одной достойной внимания вершины не заметили. А она должна быть. Видели же ее с верховьев и Сапожников, и Погребецкий, и Альмаши.

– Обидно списывать в издержки все это перетаскивание рюкзаков от Сарыджаса сюда и обратно на Сарыджас. Впрочем, альпинизм отчасти и есть перетаскивание тяжестей на большие расстояния, – размышляет вслух расстроенный Клименков.

– Между прочим, для науки и в отрицательном результате заключен элемент положительного, – с неприсущей ему резкостью возражает Летавет. – Теперь каждый, кто сюда пойдет, будет знать: отсюда к главным высотам Куйлю подходов нет.

– Твоя правда, – присоединяет свой голос Онкул. – А гору найдем. Была твоя гора. Помню. Очень даже давно помню.

Новая прекрасная вершина среди хребтов

Снова вдевай руки в лямки рюкзака. Шагай, карабкайся, скользи. По текучим осыпям, холодным сырым снежникам, острым граням скал. Ищи, находи и снова теряй. Ведь вершина при всей ее высоте обладает способностью мелькнуть где-то над хребтами, а только ты ринешься к ней – исчезла! Поди угадай, где она здесь? Заслонила ближними хребтами, спряталась в лабиринте ущелий.

– Гора, она шибко хитрая, – утешает Летавета Онкул. – Как кызымка, в руки сразу не дается. Долго искать будешь, ловить будешь, свататься будешь. – Он вглядывается в нестройный ряд вершин. Сверяясь с каким-то одному ему ведомым воспоминанием, пытается отыскать точку в далеком хребте. – Да, там оно и было.

– Что именно? – спрашивает Летавет.

– Что там было? Вот уж двадцать зим как это было. Онкул был малый баранчук, пацан значит.

Из рассказа караванщика выясняется, что в тысяча девятьсот шестнадцатом году одним из куйлюйских перевалов уходили на Синьцзян участники киргизского восстания. Он пытается вспомнить их путь и не может. А надо. В народе говорят: «Избегай хана без милости, реки без брода, горы без прохода». Есть проход меж высоких гор. А где он, убей, не помнит. А был проход...

После долгих блужданий по циркам, ложным перевалам, ледникам, измученные, отсыревшие от мокрого снега и собственного пота, вышли-таки на седловину над Большой Талдысу!

Вот оно. Остались бы силы, закричали бы «ура» или что-нибудь в этом роде. Но сил не было. Зато была вершина. И это наполняло радостью. Шумные восторги, щелканье фотоаппаратов, перечеркивание и добавление в карте – все это придет позже. А сейчас только тихая радость.

Пик был чертовски красив. Он взлетал двухкилометровой стеной прямо из ледника, и, мысленно отыскивая пути наверх, Летавет видел: вершина встала отдельно от своих соседей, без соединяющих с ними гребней. Высота в первом приближении на все пять тысяч пятьсот.

Даже вечерний мороз не может заставить их застегнуть палатку на все застежки. В небе ясно и тихо. И в палатку проникает отраженный гремями вершины свет луны.

Они назвали новые вершины – «пик Конституции» и «пик Карпинского».

На обратном пути наткнулись под снегом на деревянное киргизское седло, истлевшую кошму. Вот он, путь твоих отцов, Онкул. Все-таки он помог нам отыскать большие горы Куйлю.

Сила молодежи покоряет горы

Еще с зимы Летавет подбирает команду, словно режиссер театральную труппу. Этот резок, легко взрывается, обидчив, зато пунктуален, хороший тактик, силен в географии, отлично вычертит карты. Тот не прочь прихвастнуть, присвоить себе заслуги других, зато как никто умеет до толковаться с любой властью на местах, знает нравы и обычаи Азии... Так, притесываются один к другому – инструментальщик к архитектору, конструктор машин к медику. Их всех, таких разных и сложных, объединит и свяжет, подобно мифическому шнуру богини Афины, простая альпинистская веревка. По этой неказистой веревке из замызганного сизаля медвежья сила Ходакевича перельется угловатому Ошеру, педантичность Тимашева остудит порывистого Мухина. А всего их в команде восемь, и идти им в горы в общей упряжке.

В Пржевальске просят встретиться с местной молодежью: «Хотят послушать за альпинизм».

Летавет распоряжается:

– Пойдут Ходакевич с Тимашевым. Сергей нажмет на спортивную сторону, Женя расскажет о науке. Только учти, Сережа, чтобы не повторилось, как у вас с Чекмаревым в Киргизии.

Тимашев недоуменно вскидывает темные глаза, Ходакевич ухмыляется. По дороге вспоминает. Из Москвы в молодежный альплагерь направили двух мастеров познакомить местных ребят с основами горного спорта. После первого выхода с

молодежью на обзорный панорамный пункт спустились Ходакевич с Чекмаревым встревоженные:

– Хорошие ребята... Только ни малейшего представления об объективных опасностях гор. Лезут напропалую. «Мы-де здесь родились». Не наломать бы с ними дров в походе. Потом с нас же спросят.

– Что предлагаешь конкретно?

– Надо воспитывать. На вечер назначим вводную беседу. Будь другом, Коля, загни им что-нибудь впечатляющее. Пускай проникнутся.

– Ты прав. Надо внушить им уважение к горам.

Сухощавый, с чуть запавшими щеками и озорными глазами Николай Чекмарев сразу взял быка за рога. «Красивы горы, но таят, учтите, ребята, в этой самой красоте угрозу. Усыпляют бдительность сверканием снегов, красками заката, брызгами водопадов». И тут же поведал, как на пути к вершине Эльбруса его товарищи по походам наткнулись на занесенный снегом валун, схожий с какой-то фигурой. Подошли... Счистили снег... Да это же Зельгейм! Московский инженер, классный спортсмен. Но любил один на один встречать восход на вершинах. И случилось – обессилел, а дружеской руки рядом нет...

Моральный кодекс русского альпинизма, напомнил лектор, осуждает практику одиночного хождения в горах, как чуждую духу коллективизма, пронизывающему весь русский спорт.

А Чекмарев уже рассказывал, откуда взялось, к примеру, на склонах Ушбы название «Скалы Настенко». От неплохого спортсмена и парня Настенки. Но вбил он себе в голову, что на восхождении решают темп, скорость, а вся эта канитель с веревкой, бивуаками, страховкой нужна только тому, кто связывает себя с другими, кто трусит бороться с горой один на один. И он ушел один и не вернулся.

Чекмарев оглядел лица. Теперь уж он полностью завладел аудиторией. Это придало ему прыти. Леденящие кровь

истории сыпались на головы юнцов как из рога изобилия. Об австрийском лыжнике Вульфе, который провалился в трещину, но каким-то непостижимым образом успел зацепиться лыжами за края. Так и висел над бездной вниз головой целых одиннадцать часов, его извлекли с почерневшим от прилива крови лицом. А лавина поселка Гоппенштейн! Она остановилась внизу под склоном, но продолжала свой полет порожденная ею воздушная волна. Она срывает кровлю с нового отеля, зашвыривает в реку массивный миллиард, а все, кто сидел к ней лицом, были мгновенно удушены. Они валялись как подкошенные, широко раскрыв рты, с выкатившимися, остекленевшими глазами: чудовищная сила воздуха разрывала им легкие... «Угодно задать вопросы?»

След каравана между гор

Вопросов не было. Утром оба друга, так и не дождавшись обычного свистка дежурного, отправились по палаткам... Только пустые банки из-под консервов, кошма для стелек, да обертки конфет «Автодор». А где же слушатели? Они чесали вовсю с перевала до дому, где тебе ни скал Настенко, ни поселков Гоппенштейн. Чекмарев явно перестарался.

По пути к перевалу Беркут Летавет пошел «щелкнуть пару-другую кадров». Сначала занимался фотографией для себя, а теперь стал даже экспонентом многих фотовыставок. Погруженный в свои мысли, он прошел было мимо выдвинувшейся каменной глыбы, но, когда уже спускался к палаткам, словно проявилось в памяти: на скале был силуэт киика... Не поленился в сумерках вскарабкаться снова. Сколько ни водил фонариком: ничего, только щербатая поверхность камня. Уже выючили коней, когда он, оставив караван на Ходакевича и Тимашева, торопливо поднялся к камню.

Косые лучи из-за хребта Тенгри-Таг заструились по скале, и невидимое за миг за этого стало зримым... Как же здорово

передал безвестный художник прыжок горного козла! Сколько экспрессии и правды в скупых линиях. Под лучами, кажется, ожили и бегут за зверем охотники. Зашел с другой стороны. Опять – ни штриха. Наваждение!

Караван не ждет. Прощай скала, пока придет к тебе другой, чтобы пополнить список редкостных находок, уводящих нас в мир наших предков. Есть еще и другой след на камне у берега озера Сонкель. О нем рассказывал Онкул. Глубоко впечатанный в известняк след подковы. Такой, что ею свободно можно накрыть ведро. Подкова ли?..

«Верно говорю – подкова, – убеждал караван-баши. – Разве не слышал: были у нас в старину кони такие и скакали на них через горы киргизы-великаны. Такие, как Гэ...»

И враз оборвал недосказанное и умолк киргиз. На полуслове оборвал рассказ. Стал говорить о погоде. В хорошее веселое небо уходила сегодня утренняя звезда Чолпон. А саврасого Каштана придется на первой летовке оставить, плохо под вьюком ходит... Недосказанную им половину от «Гэ»... услышит Летавет больше чем два десятилетия спустя. От великого знатока Азии Юрия Николаевича Рериха.

– Это Гэсэр-хан, – скажет тот возле одной из картин своего отца. И Летавет сможет, наконец, соединить две части: «Гэ» и «сэр» – Гэсэр.

– Благодарю вас, Юрий Николаевич, вы помогли мне отгадать одну из тьянь-шаньских загадок.

– Помилуйте, за что же? Полотно тридцать второго года. По сей день отчетливо помню нашу двухмесячную экспедицию в Ладак, потом в Тибет.

Караванщики показывают пик Гэсэра

Юрий Николаевич вспоминал, как ладакские караванщики нехотя показывали ему белые вкрапления в уходящей ввысь скале. Она ведет в замок Гэсэр-хана. Кто он? Великий

мудрец, горный мессия, что откроет людям мир вечного добра и справедливости. В своих походах Рерихи не раз сталкивались с этим мессией: то увидят высеченный на скалах его огромный меч, то силуэты сопровождающих Гэсэра лучников, то быстроногих козлов.

Обитающие в Киргизии уйгуры издавна верили во всемогущего хана. Если вы подъехали к кочевью, привязали головой к юрте коня, хозяин неодобрительно покачает головой, повернет скакуна мордой к степи. Иначе не увидишь приближающегося Гэсэра. И едят уйгуры торопливо опять же из-за Гэсэра – не пропустить приход.

Но не письма на скалах волновали в те дни Летавета. Приказ Спорткомитета за номером сто сорок один гласил, что их ждут пики Нансена, Конституции, Карпинского. В этом районе они должны были распутать клубок того, что география называла «узлами» и что пока не удалось «развязать» ученым. В частности, узел верховьев Кан-Джайляу. А с высшей точки хребта Иныльчек альпинисты смогут разведать системы Каипды-Катта и Боз-Кыр. Так уж повелось с первых шагов русского альпинизма: спорт и научный поиск рядом.

Пока караванчики ведут на спуск тяжело груженных коней, Летавет со своими «мальчиками» поднимается на гребень Терской-Алатау. Если весь пронизанный солнцем Кунгей светел и поля его усыпаны невиданной величины эдельвейсами, то Терской суров, дик, труднодоступен. «Терс» значит по-тюркски лежащий в тени, обращенный на север, обратный, противоположный.

Преодолев хребты, они вышли в район прошлогодней экспедиции. Позже Ходакевич с Тимашевым вспоминали:

– Хожу я не первый год и по Кавказу, и по Памиру. А нынешним летом на перевал мы выползли, и вдруг раздернуло облака. И этот пик. Помнишь, мы даже зажмурились. Будто по глазам белой молнией. Это – пик

Конституции. Похож на храм над хребтами. Из самого дорогого мрамора.

– Только этот храм вдруг взлетел и парит в атмосфере. Был вечер, горы уже в темноте. В темнеющем небе он один светится, плавится в закате.

И еще вечер на бивуаке у подножия Куйлю. Последний зеленый лагерь. Последний костер – дальше будет только примус. Последний раз скидываешь на ночь свитер и шерстяные носки. Дальше, ложаешься спать, будешь напяливать на себя и егерские исподники, и свитер, и все виды утепления.

Плотный, кряжистый альпинист с табачного цвета усами, засучив рукава выцветшей ковбойки, молча вглядывается в линии на карте. Подле него – невысокий киргиз. Засунутая в брезентовые сапоги камча, дотемна продубленная солнцем и ветрами кожа.

– Что делать будем, Дюшембай? – уважительно осведомляется Летавет. Киргиз молчит. Знает, что альпинист с табачными усами – большой учености человек. И пойдет в такие места, куда не заходят даже самые смелые охотники-мергенчи.

– Завтра выступаем, Дюшембай. Перековывай коней на снег и камень. Пора в путь! Под пик Нансена пойдём для начала. Сможешь лошадой провести?

Память о восхождении на западный купол

Пик имени великого норвежца. Он чем-то сродни альпинистам. Человек, который первым пересек на лыжах Гренландию – архипелаг, покрытый миллионом квадратных километров льда. До Нансена многие пытались пройти с обитаемого западного берега острова до безлюдного восточного. Не смогли. Нансен стартовал с востока. С обескураживающей логикой он сам объяснял свой замысел: «Пробравшись сквозь плавучие льды, мы пристанем к

негостеприимному восточному берегу и оттуда будем пробираться до населенного западного побережья. В этом случае пришлось бы лишь один раз пересекать ледяное плато. К тому же, начав подобное путешествие, вы сожгли бы мосты за собой, и вам не оставалось бы ничего другого, как всеми силами стараться добраться до селений».

Он прошел. И в память этого невиданного перехода, в память его полярных плаваний, а также поддержки молодой Советской республики альпинисты дали его имя, быть может, самому величественному памятнику из всех возможных.

Пик Нансена! Так назвал Погребецкий вершину в центре хребта Иныльчек-Тау. Рост его под все шесть тысяч. Внушительность облика подчеркивают крохотные зеленоватые иголки елей на склонах и пульсирующие прожилки ледниковых рек. Словно подпирающие его атланты, темнеют вынесенные вперед гранитные ребра-контрфорсы. Нависают перегруженные снежники. Время от времени, словно отряхиваясь, он освобождается от снега лавинами.

Над всем этим великолепием сияет такой слепящей белизны купол, что он кажется искусственным солнцем фантастических романов. На этот купол надо было подняться команде Летавета. Он еще сам не решил – кто пойдет. Отберет по ходу восхождения.

Тимашев напоминает Летавету о том, что они увидели с перевала Тюз. Глаза начальника блестят. Если бы удалось разгадать, что это было...

– Надо смотреть в оба, вглядываться со всех взятых вершин и перевалов.

С Тюза они смотрели, фотографировали и удивлялись. Сверяли увиденное с картой и удивлялись еще сильнее. Только Летавет с Тимашевым, помнившие труды Сапожникова, сохраняли внешнее спокойствие. Они уже понимали, что на пороге открытия, но успокаивали,

сдерживали себя: если ничего не будет, тоже не беда – у них есть и чисто спортивные цели.

Но все-таки, что же там такое, на юго-востоке? Ведь это какая-то вершина. Однако ей не положено там быть. Не мог же не увидеть ее Мерцбахер? А вдруг мог? Все мы люди. Могли же отличные географы и путешественники братья Шлагинтвейты принять заурядный Гауризанкар за высотный полюс мира Эверест. Сам Гумбольдт мог считать высочайшей вершиной планеты Чимборасо, а немецкие альпинисты спутать пик Гармо с пиком Кабанизма.

Новая вершина превышающая Хан-Тенгри

Тимашев согласен. Конечно, нужно учесть поправки на расстояние. На дальнюю вершину накладываются ближние. Подавляют ее. Но она уже факт. Она явно превосходит пик Нансена, хотя он рядом с ними.

– Попробуем разгадать твой адрес, прелестная Незнакомка, – заявляет Тимашев. Высокий, стройный, неизменно выбритый, в аккуратной фетровой шляпе, он раскладывает на каменной плите карту. Кивком благодарит Дюшембая, когда тот кладет на края по камню. Берет компас. Караванщики, повар, альпинисты обступили Евгения.

– Первая засечка на Хан-Тенгри. Самый высокий ориентир. Наша, так сказать, тригонометрическая вышка.

– Твоя правда, Евген, – соглашается Дюшембай. – По-казахски так и зовут ее – Чон-Аулиета, то есть Большая вышка.

Тимашев поднимает голову, прищуривается.

– Жаль только, что на наш пик Икс накладывается весь хребет Тенгри-Таг... Так-так... Ага, поймал! – Удивленный, отрывается от карты. – Чертовщина какая-то: она нигде не обозначена. Как будто ее и нет.

– Ну, что ж, – подводит итог Летавет. – В первой же спортивной разведке мы наткнулись, друзья, на одну из

географических загадок. Быть может, самую большую из тех, что остались в горах на долю нашего поколения. Я подозревал, что в этом юго-восточном углу Тянь-Шаня должно таиться что-то. Когда поднимемся на Нансена, используем его как наблюдательный пункт. Кто знает, не откроются ли с него ущелья, что выведут нас к Незнакомке. То, что вершина есть, – факт. То, что она может превосходить Хан-Тенгри, – факт номер два. Ее нет на карте – факт номер три.

Летавет испытывал в этот момент те же чувства, что и Семенов, когда с высоты Кок-Джарского водораздела увидел... Впрочем, вот что писал об этом он сам:

«Мы были ослеплены неожиданным зрелищем. Прямо на юге от нас возвышался самый величественный из когда-либо виденных мной горных хребтов. Он весь, сверху донизу, состоял из снежных исполинов, которых я направо и налево от себя мог насчитать не менее тридцати. Весь этот хребет (Тенгри-Таг. – Е. С.) вместе со всеми промежутками между горными вершинами был покрыт нигде не прерывающейся пеленой вечного снега. Как раз посередине этих исполинов возвышалась одна (Хан-Тенгри – Е. С.), резко между ними выделяющаяся по своей колоссальной высоте, белоснежная остроконечная пирамида, которая казалась с высоты перевала превосходящей высоту остальных вершин вдвое».

Теперь Летавет и его парни видят вершину, которая явно превышает Хан-Тенгри. Уж не стоят ли они на пороге открытия высотного полюса Небесных гор?

Глубокие трещины на глыбах льда

Нижний лагерь соорудили у южного цирка пика Нансена. Удивительная вершина! Сколько их повидали спортсмены. У всех склоны загромождены камнями, моренами, а здесь – чистый густо-зеленый лед.

– Выходим всей капеллой, – объявляет Летавет. – По ходу дела определим, кто как перенесет высоту. Пусть произойдет

естественный отбор. Начальником штурма назначаю Ивана Александровича.

– С-с-пасибо, – как всегда, чуть заикаясь в минуты волнения, откликается Черепов.

Выбор оправданный: Иван – слаломист, байдарочник, альпинист, тренер с немалым стажем. Медлителеп, осторожен, но на неизведанных склонах это будет на пользу азартному Попову и начинающему Рацеку.

Под вечер они суммируют наблюдения двух «четверок». Одна (Летавет, Ходакевич, Мухин и Рацек) поднялась по ледопаду. Путь промаркировали турами. Лучше всего идти ночью. Другая (Черепов, Тимашев, Белоглазов и Попов) от истоков ледника Кан-Джайляу разведала выход на гребень. Выбрали путь через западное плечо.

С наступлением темноты Летавет загнал всех в палатки. В ночном молчании слышалось только движение ветра. Лишь время от времени раздавались треск и отдаленное ворчание, похожее на гром. Этот гром шел снизу и заставлял вздрагивать все ледниковое тело. Так рождались трещины под напором стекающих со склонов масс льда. От резкой смены жары и холода, от замерзающей и вновь обращающейся во влагу воды рвались километровые пласты льда. И каждому кажется, что трещина разверзается именно под его палаткой.

Черепов поднял их вскоре после полуночи. Мороз крепкий. Значит, не должно быть лавин и раскисшего под солнцем снега. Полная луна обещала отличную видимость. В бой!

Их вышло девять. Вскоре продолжали путь семь. На самую вершину выступили двумя двойками: Черепов – Белоглазов, Попов – Рацек. Так всегда – кто-то не выдержал высоты, не смог продолжать подъем. Был предзакатный час двадцать седьмого августа, когда с обветренными лицами, запавшими щеками, тяжело опираясь на ледорубы, вышли на купол.

Вершины, засыпанные снегом вокруг узкого перевала

И... ни черта! Облака, тяжелые, непроницаемые, ползущие, плотно закрыли обзор. Плюхнуться на снег, ждать? Конечно, они первые на пике имени великого Нансена (5700). Они одолели стену, узкий, почти вертикальный камин в пепельных мраморах, и Тимашев удачно подстраховал Черепова, когда под тем обвалился снежный мост. Но не это главное! Остается не просмотренным юго-восточный угол. И радость победы становится неполной. А кто виноват, что видимость – нуль? Никто не виноват. Но что-то грызет и мучает. И хоть бы на минуту разорвало облачность. Успели бы оглядеться, определиться.

Из базового лагеря день спустя они разошлись еще на две вершины: четверка Черепова – на пик Конституции, Летавет с тремя другими – на Карпинского.

Шаг, второй, третий... Сразу от лагеря начался крутой взлет, снег, подобный пудре, а на спине у тебя увесистый рюкзак, и ты должен то, как гимнаст, выжиматься, то балансировать, как циркач.

И все-таки это здорово. До чего чудесен здесь мир – и вокруг тебя и в тебе самом. А ребята. Похожий на доброго медведя, хозяйственный белорус, инструментальщик из Подмосковья Сергей Ходакевич. И кажущийся рядом с ним подростком инженер-машиностроитель, подвижной Исаак Ошер. И жадно оглядывающий все вокруг глазом профессионального фотографа Григорий Белоглазов. Их четверо, и они одно. Альпинизм связал их друг с другом прочней, чем веревка, выдерживающая тонну на разрыв.

К вершинному конусу уходил терявшийся вдалеке, узкий гребень. «Профессор, – кричал идущий впереди Ходакевич. – Становитесь у мой след. Иначе есть шанс нырнуть у низ». Гребень сужался местами настолько, что надо было ставить ноги по обе его стороны. Ветер Санташ бил в лицо, залеплял снежной пылью очки, руки заняты ледорубом и веревкой, не

протереть. Но каждый знал: теперь они не уйдут отсюда без вершины.

Они достигли ее через восемь часов ходового времени. Высота пять тысяч пятьдесят метров. И – о радость! – воздух чист и прозрачен. Ни облаков, ни сухого тумана, который насылает пустыня Такла-Макан. Только хребты, да вершины, да небо.

Вечером, подсвечивая себе фонариком, Летавет спешил записать:

«На северо-западе вплотную около нас пик Конституции. Далеко на севере – вершины Терскея с Каракольским пиком во главе. На востоке отчетливо виден знакомый уже нам пик Нансена, а прямо за ним пирамида Хан-Тенгри. Но больше всего привлекла наше внимание вершина, расположенная к югу от Хан-Тенгри (очевидно, в одном из южных притоков ледника Иныльчек), которая по своей высоте вполне может спорить с Хан-Тенгри. Эта совершенно неизвестная вершина представляет собой огромный ледяной массив, резко возвышающийся над окружающими горами».

А что дальше?.. Провергли Мерцбахера, подтвердили Сапожникова. Разве это финиш?.. Даже еще не старт. Быть может, эта Незнакомка еще более неуловима, чем блоковская?

Горы к югу от Хан-Тенгри

И вдруг она на «той», на синьцзянской стороне? Летавет торопится обобщить наблюдения. Они уже видели ее по меньшей мере с трех позиций: с перевала Тюз, с купола Карпинского, с пика Конституции. Значит, об иллюзии не может быть и речи.

– Вот она – точка, где сходятся все три засечки, – показывает Тимашев на карте Летавету.

– Вижу. Теперь мы ее обложили, как медведя в берлоге.

– Но как же Погребецкий? – всовывает голову в палатку Мухин. – Он же столько лет ходил здесь. Не мог же не видеть он нашей Незнакомки!

– Остается предположить, что наш пик прячется где-то в самой глубине хребтов, – отвечает Летавет. – Топографы туда не доходили. Им это без надобности. А альпинисты?.. Проходили, очевидно, по самой оси хребта и не видели того, что над их головой. Пик-невидимка, так получается.

– Позвольте, позвольте... Ну, конечно же! Те, кто был в декабре тридцать первого на докладе Погребецкого, должны помнить, как он говорил, правда в уклончивых тонах, о чем-то виденном им и очень высоком. К югу от Хан-Тенгри. Однако он отнес его к территории за пределами страны. До нашей экспедиции это оставалось рабочей гипотезой. А гипотезам нет места на схеме.

– Но теперь мы вправе сделать это, – убежденно произносит Тимашев. – Вот здесь место пересечения всех трех засечек. Двадцать километров к югу от Хан-Тенгри.

Когда они вернулись в Москву, побывавший на Хан-Тенгри Евгений Абалаков подтвердил: они тоже видели там что-то внушительное. Но им было не до науки. Срыв Гутмана. Гибель швейцарского альпиниста и друга Саладина. Тяжелые обморожения Дадиомова и Виталия Абалакова.

Подобно Земле, завершившей свой годовой круг и вернувшейся в прежнюю точку орбиты, Летавет снова возвратился на Тянь-Шань. Из альпинистов прошлого года с ним Черепов, Мухин, Рацек. Зато прибавились побывавший с Абалаковыми на Хан-Тенгри Леонид Гутман, опытные высотники Евгений Иванов и Александр Сидоренко, другие восходители.

«Гвардейцы» Летавета спешили. Уже натянуты десять палаток в урочище Тургень-Аксу. Но нервничает, торопит Гутман, заместитель Летавета по спортивной части. Курчавый, с резко выступающими скулами, мясистым носом,

Леонид не в первый раз на Тянь-Шане. Знает, с чем его едят. Сам чуть не погиб на Хан-Тенгри.

Древний ледник впадает в озеро

Уже август.

И вот они шагают по леднику Южный Иныльчек, как по гигантской вздыбленной льдами реке. Ледник живет, движется. Но сколько ни стой, не увидишь его движения. Его можно определить разве что по скалам которые метров на четыреста над нынешним ледником несут на себе рубцы и граниты, отполированные льдами. Там был древний ледник.

Внезапно караван останавливается.

– Ст-о-о-й! – доносится голос авангарда (Летавет, Мухин).
– Пути дальше нет. Озеро!

– Откуда? – дивится Гутман. – Не видел никакого озера, а проходил здесь не далее как в позапрошлом году. Впрочем, – добавляет он философски, – Тянь-Шань есть Тянь-Шань.

Поперек пути вода. Много воды. Порогами торчат каменные рифы. После льда всем охота поглядеть на живую воду. С черных, будто обугленных берегов с шуршанием и плеском скатываются камни. Покачиваются на зеленоватой воде айсберги. Кусочек Арктики на широте Неаполя и Батуми.

После тяжелого перехода лагерь засыпает сразу. Утром вместе с вершинами первым пробуждается начальник, чтобы до общей суеты запечатлеть на пленку парочку этюдов. Озеро на фоне Хан-Тенгри – чем плохо? Такого не было ни у кого из фотомастеров. Но Летавет опускает фотокамеру обескураженный. Довольно глубокая впадина, по дну хлипкий ручеек. Па кучах гравия грязноватые льдины. А озеро?.. Видимо, прорвало ночью ледяную плотину и ушло в трещины ледника,

Днем над ледником парит орел. Обладая птица способностью сопоставлять, караван напомнил бы ей походку загулявшего человека. Вот откачнуло от прямой, отбросило

назад, снова подало вперед. Иначе нельзя, приходится все время обходить сераки, трещины, тупики.

Только на третий день вышли на ровную, широкую морену, похожую на дамбу. Против впадающего справа ледника Комсомолец вырастает по левую руку стена Тенгри-Тага, разделяющая ледник Иныльчек на Северный и на Южный, по которому идти. Здесь не меньше десятка могучих вершин, то разделенных провалами седловин, то соединенных перемычками, словно руками, положенными на плечи соседей. В центре всей системы уже заметно приблизившийся Хан-Тенгри: резко очерченные грани, идеально гармонирующие с небом и горами. Он не подавляет свою свиту, не загромождает перспективу, как иные столичные высотные здания. Он вырастает из ледника и земли естественно и логично, привлекая и радуя взгляд. На запад от него на общем основании пики Чапаева (6371) и Максима Горького (6050).

Трудная акклиматизация на большой высоте

Летавет с удовольствием отмечает, как ребята вживаются в самые, казалось бы, трудные ситуации. «Адаптируемся помаленьку...» И сон и аппетит не ослабевают с набором высоты, и это Летавету очень даже понятно. Проверенная русская школа восхождений и акклиматизации. Руководитель ли ты кафедры столичного вуза, подающий надежды химик, старший инженер большого завода – здесь, в горах, ты опускаешься по служебной иерархии до разнорабочего. Ты – грузчик: ворочай ящики, вьючные сумы, рюкзаки. Ты – конюх: под строгим глазом Дюшембая седлай и веди в поводу коня. Ты – сапожник: и завернутым в кошму камнем разбивай ссохшиеся за зиму ботинки, промазывай спецмазью. Ты и кухонный мужик, и корнерез, и судомойка, и станешь еще и снегокопом.

Каждый несет свой груз, выполняет свои (общие!) обязанности. Не освобождаются и те, кто намечен в

штурмовую группу, и те, кто ведет дневник и фотолетопись. В работе, в занятости, а также в постепенном наборе высоты успех акклиматизации и всего восхождения.

«Сколько здесь целей для спортсменов! – помечает вечером в дневнике Черепов. – Сколько открытий, которые ждут исследователя. Ведь из всей шеренги вершин (хребта Тенгри-Таг – Е. С.) взяты только Хан-Тенгри да пик Чапаева».

Последний переход каравана. Кружит метель. От белого смятения воздуха темнеет в глазах. Когда сидящий на переднем жеребце Дюшембай уверенно поворачивает караван вправо, Летавет только изумленно пожимает плечами. Им действительно в это боковое ущелье. Но киргиз никогда не бывал здесь. Только перед выходом взгляделся в карту и сказал: «Понял». Короткое ущелье, выпаханное ледником в хребтах Актау и Кокшаалтау, должно вывести их к подножию неведомого пика.

Здесь прощание с караваном. Кони дальше не пойдут. Пойдут люди.

Под утро стихает монотонное шуршание снега по скатам палаток, и наконец-то Летавет лицом к лицу встречается с той, которую столько лет искал. Он не может насмотреться, оценивает свои впечатления. С перевала Тюз неведомая вершина казалась заостренной, иглообразной. На деле это – приплюснутый, растянутый купол. А снега будет и лавин – только держись!

В белом царстве снегов вспыхнуло, заплескалось алое полотнище – флаг над лагерем, который Гутман назвал «Комсомольск-на-Звездочке». Ведь «Звездочкой» наименовал этот ледник участник украинских экспедиций С. Г. Шиманский. А их экспедиция пришла сюда в год двадцатилетия комсомола.

Жуткий холод проник к Альпинистам в палатку

Совет в палатке начальника вызвал неожиданные осложнения: «корифеи» поставили под сомнение идею штурма. «Ограничимся на первый год разведкой. Никто не спросит с нас, если не возьмем вершину». Молодые – категорически за штурм.

– Так-так, – цедит Летавет. – Они увидели и поняли, что за вершина нас ожидает. А разве дело – в год двадцатилетия раззвонить по Москве о восхождении и вернуться ни с чем?

Летавет высказывается за предложение молодых. Разведка может дойти до высшей точки массива. Пойдут только добровольцы. А пока три отряда отправятся осмотреть с высоких точек все варианты маршрута. Надо учитывать опасность лавин: Тянь-Шань – лавинная страна. А выше к гребню будет более чем прохладно. Летавет вспоминает великого Амундсена. Казалось бы, всю жизнь отдал полярным странам, а незадолго до гибели написал: «Единственное, к чему не может никогда привыкнуть человек, – это холод». Но славный норвежец не имел дела с высотой. А в разреженном воздухе ты не можешь подкинуть в топку организма нужную порцию кислорода, и холод разрастается в тебе до глобальных масштабов.

– Ни высота, ни утренний холод, ни предстоящее восхождение не отменяют режима дня, – инструктирует альпинистов Гутман.

По утрам на виду у Незнакомки Юхин выстраивает альпинистов для разминки. Обнаженные торсы, теплые фетровые сапоги, на глазах темные очки, в руках ледорубы. Солидная, до пота, гимнастика.

– Нагрузочку для голеностопов усилить, – напоминает Юхин. – Чтобы не жаловались потом, что не держат ноги. Теперь обтереться снежком.

Разведка докладывает: проникли к самым дальним фирновым бассейнам. Зарисовали место зарождения Южного Иныльчека у перевала Высокий. Остальные прошли по вздыбленным ледопадам весь глетчер Звездочки. Хребты со

всех сторон напирают на ледяной поток. Он в непрерывной борьбе с ними: где-то отгрызет солидный кусок от Кокшаалтау; где-то горы возьмут верх, и ледяная река с запада поворачивает на юг, потом сразу на север, мимо шеститысячников Актау.

Уже сентябрь. Когда выходишь из палатки, видишь: еще ниже опустилась за ночь линия снегов. Это идет сверху зима. Солнечным днем растекаются по леднику ручейки, шумят в трещинах небольшие водопады, а к ночи все скованно холодом. Времена года сменяются здесь каждые сутки. За несколько часов буран плотным слоем замедает ледник.

Нарды с тяжелым грузом по рыхлому снегу

Еще в Москве Летавет поручил Сидоренко захватить несколько пар лыж. И теперь после снегопада первая лыжня зазмеилась в Небесных горах. Надо перебросить груз к подножию: добрых пятнадцать пудов. А снег па леднике по колено. Выручает смекалка мастерового народа. Иванов с Мирошкиным и Гожевым смастерили нарты из ящиков из-под галет, торжественно водрузили на пробные нарты начальника и с хохотом прокатили по ухабам.

– Обкатка состоялась, – одобрил Летавет.

К утру были готовы трое таких нарт. Первыми ушли участники штурма под руководством Гутмана. С разрывом в сутки вместе с Летаветом вышел второй штурмовой отряд. Впряглись в построения и двинулись вверх по Звездочке.

– Может, пошлем кого-нибудь вперед торить тропку? – предложил Летавет.

– Лишняя трата времени, Август Андреевич, – откликнулся Мухин.

Его поддержали несколько голосов:

– Сколько уже здесь протопали. Пройдем, как по тротуару.

Первым тянет Мухин, двое подталкивают сзади.

Скользят сносно. И как это Мухин находит дорогу? Видно, знает, ведет уверенно. Опытный альпинист. Со стажем. На десятках вершин побывал. И горнолыжник он, и байдарочник. Выносливый, знающий, уверенный в себе. Всегда уверенный, даже чересчур.

Стало жарко. Не легко тянуть по снегу, который еще не смерзся, многопудовый груз.

Санний цуг вдруг резко останавливается. Что за черт? Прошли всего метров пятьдесят. Летавет вскидывает голову. Где же Мухин?

Впереди только постромки на снегу. И дыра...

– Осторожно. Не подходить к краям – здесь трещина, – спешит предупредить Летавет. Сошли-таки с тропы. А еще спорили.

– Мы только что видели над снегом его голову и руку! – кричит Черепов. – Только что! Он повис на лямке и соскользнул под снег.

Ясно: потерял сознание. Иначе бы задержался.

Черепов быстро обвязывается и осторожно подползает к краю:

– Витя!

– Тя-а, – гулко ухает из ледника. Значит, глубоко.

– Слышишь меня, Ви-тя? Ви-тя?

– Тьма кромешная, – обертывается Черепов. – Со света ничего не различаю. Не откликается.

– Давайте факел!

– Скиньте веревку!

– Надо спуститься к нему.

– Да тише вы! – останавливает Черепов. Он различает стон... Невнятные слова... – Август Андреевич, я слышу: он стонет.

– Значит живой! Просит спустить веревку. Живо, конец!

Поднимаем вещи веревкой по склону горы

Веревка уползает. Все ползет. Остановилась.

– Витя! Принимай. Не дошла?.. Мы же выдали всю длину, двадцать метров, а она не дошла.

– Ого! Высота пятиэтажного дома.

– Надвязывай вторую, – торопит Сидоренко. – Не спуститься ли мне, Август Андреевич?

– Пока не вижу необходимости. Посмотрим, сможет ли он действовать сам.

Веревка дернулась. Ага, обвязался! Еще раз. Вот веревка пошла «волнохг». Подает знак тянуть. Теперь осторожно, не ударить чтобы Мухина о выступы. Вот показалась голова. Без шапки, глаза закрыты. Что-то произносит, не понять, что. Все уже хлопочут. Палатка натянута. Мешок разостлан. Синим пламенем затеплилась кухня.

Мухин сплевывает на грудь осколки зубов, снова затихает. Летавет в раздумье. Его обступают альпинисты.

– Как у него дела, Август Андреевич?

– Могло быть, конечно, хуже. Но и так достаточно скверно. В нижней челюсти перелом. Может быть, повреждена и верхняя. Удивляет меня другое: как он в таком сумеречном состоянии сумел по всем правилам обвязаться «беседкой»?

– Автоматизм. Инстинкт альпиниста.

– И самосохранения.

Летавет снимает с себя заскорузлую штормовку, засучивает рукава свитера. Обтирает руки снегом, выливает на ладони спирт.

– Так-так, – приговаривает он, успокаивая не столько Мухина, сколько самого себя. Дай бог памяти – лекции по

челюстно-лицевой хирургии он слушал у Спизарного и Мартынова четверть века тому назад.

Наконец говорит:

- Пусть кто-нибудь вырежет жестяные скрепочки.
- Из консервной банки подойдут?
- За неимением других. Только хорошенько прокипятить.

Теперь самое время вспомнить, как был ты, Летавет, братом милосердия в госпитале первой мировой войны и военфельдшером Трубинского околотка. Не имея под рукой почти ничего, возводил оборону против невидимого противника. И как тогда, нет стерильного инструмента, опытной хирургической сестры, чистоты операционной. Есть больной и есть ты – врач, который давно никого не врачевал.

- Будем действовать, – только и произносит Летавет. Он прощупывает хрустящие раздробленные кости, соединяет концы поврежденных мышц, загоняя в лицо грубые накладки, вроде тех, которыми скрепляют поломанные в походе лыжи.

Шуршание полотниц на сильном ветру

Ветер. Шуршание полотниц, шаги начавшейся поземки. Выжидательно устремленные глаза. Деловито мелькающая над спальным мешком рука с рыжими волосами. Летавет тщательно орудует ножницами, подправляет лоскуты кожи лезвием бритвы «Мосштамп» – все, чем он располагает. Ассистируют ему учитель Черепов и слесарь Гожев. Инструмент – скальный молоток. Вместо наркоза – руки альпинистов, наваливаются, не дают дергаться оперируемому.

Виток бинта за витком. Голова – белый шар, из которого торчит трубочка: в нее осторожно вливают крепкий сладкий чай. Теперь как можно скорее в Ташкент. Температура у Мухина за тридцать восемь. Да и мало ли что может случиться на леднике! Жаль нет связи с группой Гутмана.

Хмурое, серое утро, липкий туман висит в воздухе, цепляется за скалы Актау. По Звездочке вниз медленно движутся альпинисты. На связанных репшнуром лыжах пакет из спальных мешков, из него лицо Мухина. Летавет, обросший щетиной, осунувшийся, на ходу успокаивает беспокойного пациента.

– За нас не переживай и не убивайся: ничего ты нам не сорвал. Вот эвакуируем тебя до Чон-Таша, а там санитарным самолетом на Фрунзе. Тогда сможем снова отправиться на штурм.

– Из-за поворота ледника появляются двое. Уже видны лица. Владимир Рацек и Евгений Иванов. Владимир – в свитере и вязаном шлеме. Иванов – в ковбойке, в открытом вороте видна могучая, прочная, как наковальня, грудь атлета. Он радостно машет рукой, на широком простодушном лице улыбка. Но она постепенно исчезает, когда он видит белую, раздувшуюся голову Мухина.

– Такие-то дела, Женя, – отвечает Летавет на молчаливый вопрос притихшего Иванова. – Как у вас наверху?

– Сигнал ваш приняли, да не поняли, что означает. Пошел вниз с Рацеком – он жалуется на десны.

– Мы здесь полагали, что вы не смогли высоко подняться, и решили отозвать вас, чтобы вместе эвакуировать Виктора. Думаю, не придется ли поставить крест на восхождении?

– Что вы, Август Андреевич! Ведь наши уже почти на втором плато. Гутман с Мирошкиным разобьют там третий высотный лагерь и будут ждать меня, пока я провожу в базовый Рацека. Не дело это – подойти вплотную к вершине и уйти несолоно хлебавши!

– Ладно, решим вечером.

Снег и облака на широком плато

Вот и палатки базового лагеря. Из радиорубки мерный стук телеграфного ключа и голос радиста Зенякина. Он докладывает:

– Правительство Киргизии информировано о ЧП на Звездочке. Дано указание всем радиостанциям Средней Азии следить за нами. Самолет санитарной авиации уже совершил посадку на Фрунзенском аэродроме и заправился для вылета на Тянь-Шань. Погоду дали. С пограничной вышел конный отряд. Пока все!

– Более чем достаточно! Похоже, не все шансы на штурм потеряны. Пока будем эвакуировать Мухина по Иныльчеку, четверо – Иванов, Сидоренко, Мирошкин и Гожев, пожалуй, могут уйти наверх. На втором плато у Гутмана не известно об аварии. Представьте себе, каково им там: приходят день за днем, и никто к ним не поднимается.

– Они с Мирошкиным небось уже затужили, Август Андреевич, – спешит вставить слово Иванов.

Гутман заснул крепким сном изрядно поработавшего человека, но, открыв глаза, почувствовал, до чего же не хочется вылезать из мешка, коченеющими руками отгребать снег и долго сидеть на корточках у кухоньки, в которой больше смердит, чем горит, отсыревшая, разложившаяся мета.

Хотя снег все сыплет, Леонид не то чтобы видит, скорее чувствует, что па западе, в том гнилом углу, что поставляет непогоду для всего Иныльчека, уже нет клубящихся облаков, а с плато через их палатку вниз сползает туман. Надо готовить к выходу рюкзаки. Просветлеет – сразу и путь.

К полудню в голубых разрывах облаков сверкнуло солнце, но внизу все та же непроницаемая пелена тумана.

– Что за чертова погода? – вырывается у Мирошкина.

– Представляю, как переживают за нас в базовом.

– Сдвиг в погоде уже произошел. Это последние вспышки вчерашнего бурана. Видишь: под нами тоже расчищается.

Гутман приставляет козырьком ладонь. Вглядывается.

– Кто-то до нас топает. Наконец-то!

Похожее на переключку воинственных индейских племен традиционное альпинистское «Йа-ху! Йа-ху!» не остается без ответа. Кто-то отвечает. Еще невидимый. Уже близкий.

Тяжелый рюкзак Гожева

Незадолго до полудня на гребне возникают согнувшиеся под рюкзаками фигуры. Пришло подкрепление. Вот оно – потные, заснеженные Сидоренко, Гожев, Иванов – с запасом меты, харчей, сил. И последними новостями. Плохими – провалился Мухин. Хорошими – решено продолжать штурм.

Обсудили положение и, полные решимости довести начатое до конца, двинулись вверх.

На следующем бивуаке Гутман с тревогой наблюдал за Мирошкиным. Добряк Иванов потихоньку переложил из его рюкзака в свой все, что потяжелее: консервы, кошки, крючья. Мирошкин явно сдает. Это уже не просто усталость, это апатия, он движется и действует словно по инерции.

Утром на семнадцатый день Леонид принимает решение:

– Подходим к седьмой тысяче метров. Мирошкин заболел – вот-вот свалится. Надо, пока может идти своим ходом, спускаться вниз. Пойдет с ним... – обводит взглядом притихших товарищей: небритые лица, выжидающие глаза. С усилием заканчивает: – Пойдет Саша Гожев.

Гожев молчит. Насупился. Но ни слова. Из-за темных очков не различить выражение глаз. Только видна светлая полоска на грязной Сашиной щеке. А ты ведь не из слезливых, Саша Гожев!

Так же молча Гожев вынимает из рюкзака меховой жилет, сует Гутману («Черт с вами, грейтесь!»), фетровые стельки – Иванову.

– Будем хлопотать всей группой, уверен, и Летавет поддержит: засчитать тебе место, до которого дошли, как четвертую категорию трудности. А до вершины доберемся –

внесем в записку и тебя: дошел Гожев до семи тысяч и не по своей вине спустился.

Ребята молча кивают.

– Не тужи, Сашок, – произносит Иванов. – Кому-нибудь надо.

– Другой бы спорил, – мрачно соглашается Гожев.

Для полной гарантии успеха нужно сочетание пяти необходимых погодных условий, помнит Гутман. Не слишком низкая температура, ветер невысокой балльности, видимость, полнолуние, хорошее состояние снега. При отсутствии хотя бы одного из них гарантировать успех в данных высотных условиях невозможно.

Тут не было, кажется, ни одного из пяти.

Десять условий трудного восхождения

Но есть еще пять чисто альпинистских требований к восхождению на такую высоту. Это – разведка, резерв в тылу, радиосвязь, предварительная заброска продовольствия и горючего в промежуточные лагеря, группа наблюдения.

Из всех десяти условий в наличии, худо-бедно, не более трех. Остальные могут быть к концу месяца. Как поступишь, Гутман? Ждать, когда придет луна? А если с нею и зимние бури? Дождаться снизу резерва, но к этому времени выдохнемся сами.

Что ж, что нет необходимых условий. Зато есть иное: сила убежденности и порыва.

Опять их только трое. А начинали одиннадцать. На голубых клеточках гутманского дневника нацарапано: «6600, 18.1X». Это здорово высоко, но уже перевалило за вторую половину сентября.

Утром они долго ожидают в палатке, пока появится солнце, малость обогреет воздух и поползет вверх синяя жилка термометра хотя бы до минус двадцати двух. «На

сегодня нас еще хватит, – прикидывает Гутман. – Завтра, пожалуй, сможет продолжать один Иванов».

– Который час? – осведомляется Женя.

Вместо ответа Леонид высовывается в проем палатки, всматривается в небо.

– Куда ты? – удивился Сидоренко. – Часы же у тебя на руке.

– Похоже, заболели горняшкой. Еле-еле идут. По солнцу сейчас не меньше десяти, а они еще до семи не дотянули.

– Скажи, пожалуйста, какое дело, – соображает Иванов, – не иначе, смерзается смазка.

Когда они спустились в долину, часы по-прежнему бойко затикали.

На восток за скалы уходит ровная горная цепь. Три согнувшиеся фигуры, словно нехотя, бредут по иссушенному вечным морозом фирну. Все холодней. Стрелка альтиметра где-то возле «6800». Не привирает ли? До чего же холодно!

Иванову идетя легче всех. Нет для него ни высоты, ни стужи. Не теряет аппетита, хорошего настроения. Невысокий, ладный даже в пузырящейся штормовке и толстых валенках, он и здесь, как в цеху: без лишнего азарта, с экономными движениями, какими строгают на заводе металл веселый рабочий человек Женя Иванов, один из тридцати трех тысяч московских Ивановых.

Минута передышки. Они все чаще, эти передышки. Теперь уже не после трех-четырех часов – каждые десять-восемь шагов. Нечем дышать. Сухо во рту. Сожми в кулак самого себя, Гутман! Товарищам не легче.

– Как дела, Саш?

– Неважно: ноги деревянные, – скупно роняет Сидоренко. – Не чую пальцев.

– За теми скалами будем оттирать.

- А вершина?
- Вершина не убежит. Вопрос нескольких метров...

Гутман и Летавет идут по трудному леднику

Невеселые дела: пальцы у Саши побелели. Иванов укрывает его потеплей. Гутман оттирает ногу. Запасным носком, варежкой, рукой. Иванов уходит чуть выше, чтобы определиться, Гутман все трет, а нога не теплеет. Захрустел фирн, посыпались камни, возвращается Иванов.

- Ну как, Женя?
- Мы уже вроде у верхней точки.
- Почему «вроде»?
- Трудно разобраться. Гребень весь заснежен. Все бело, не разглядеть. Дальше туман.
- Оттирай вторую ногу... Согрелась? Тогда все наверх.

Теперь последнее усилие. Как трудно побороть сковывающие тебя усталость и безразличие. Но Гутман хорошенько вглядывается в мир меж землей и небом. Он различает, как к востоку, в сторону Хан-Тенгри, горы мельчают. А к югу виднеется вдали что-то очень высокое. Как огромный нож. Как белый клинок над белым хребтом. Вопрос – что?

Теперь скорее вниз, добраться в темноте до палатки, плюхнуться в мешок и, забываясь во сне, пробормотать: «Сделали» стену. Взошли! Черт с ней, с высшей точкой Тянь-Шаня, если она вообще существует».

Они назвали вершину «Пик Двадцатилетия комсомола», ибо все трое были комсомольцами и взошли на нее в юбилейный для комсомола год.

В Москве каждый с головой погрузился в свои обычные дела с ощущением, что лето прошло не зря. Снова придется браться за рейсфедер картографам, гляциологам, геоморфологам... наносить название новой вершины, где-то

помечать, что неправ был Мерцбахер, что на Тянь-Шане обнаружена вершина, намного превосходящая Хан-Тенгри. А в этом вот квадрате изобразить ледник Звездочку, который до экспедиции Летавета наблюдали только издали; теперь же он пройден от порождающих его фирновых бассейнов до устья у Иныльчека.

Летавет аккуратным почерком вписывает в отчет лишнюю эмоцией фразу: «Общая протяженность ледника Звездочка 20 км. Простирается с ЮЮВ на ССЗ. На границе между верхней и нижней частью резко изменяет направление, почти под прямым углом». (До экспедиции 1938 года существовало неправильное представление как о направлении Звездочки, так и о действительной ее протяженности. Участники украинских экспедиций с ледника Южный Иныльчек не видели закрытую высоким, под 6000 метров, контрфорсом верхнюю часть ледника.)

Отчет Летавета суховат и деловит, подобно военному рапорту. Но разве и здесь не было битвы и ран? Лежит в Институте травматологии Мухин, поправляется («консервные банки» Летавета сохранили-таки ему лицо), у Сидоренко ампутировали в институте Склифосовского два пальца на ноге.

Исследователи перед восхождением на горную вершину

«Ширина ствола ледника». «Образующие обширную интрузию граниты и гранодиориты», – вписывает словно взятые из учебника фразы Летавет, а перед ним, в тихом дворике Кропоткинской улицы, вновь и вновь возникают горы, которые всегда с тобой, восходитель... Моменты раздумий и решений: посылать или не посылать на неведомую вершину самых молодых? Он переживает вновь острое чувство тревоги, как тогда, когда исчез Мухин, вернулись Гожев с Мирошкиным, и он узнал, что где-то над морем облаков притулилась палатка и в ней трое. Ты уверен в тактическом мышлении Гутмана, железных мышцах

Иванова, веселой храбрости Сидоренко? Уверен! Но если в спринте молодость – преимущество, то на десяти тысячах – недостаток. А на здешней кокшаальской дистанции побольше трудностей, чем на марафоне. А все трое азартные парни. Но он им доверился, и они не подвели.

В отчете поставлена последняя точка. Но и теперь не хочет отстать от него Тянь-Шань. Стоит перед глазами похожий на присевшего перед прыжком хищника хребет с поразившей их тигриной расцветкой. И пепельные, изумрудные ледники свисают с пиков. И гигантская пила восточного гребня...

Годом спустя вместе с Евгением Абалаковым и Андриешиним Летавет ненадолго попал в Заилийский Алатау, недалекий от Алма-Аты уголок Тянь-Шаня, ставший ныне вторым в стране центром подготовки альпинистов. Друзья совершили траверс четырех пиков отрога Новый, «передвинули» на километр перемычку между ледниками, «удлиннили» протяженность одного из них – Богатыря и уточнили, что впадает он не в глетчер Корженевского, а в глетчер Шокальского. В общем, и сами походили и географов уважили.

Не привелось больше побывать Летавету на хребтах Тенгри-Тага и Кокшаала. Трудное время пережила наша страна. Не обошла лихая година и друзей Августа Андреевича. На опаленной боями Псковщине погиб танкист Гутман. Был тяжело ранен славный партизан Женя Иванов, спустивший под откос семь эшелонов и подорвавший два завода да четыре моста.

Но и в разгар трудных боев приходили к Летавету вести, которые наполняли радостью сердце альпиниста. В 1943 году один из его учеников – Сидоренко в числе специальной группы снял с Эльбруса штандарт со свастикой. А в дни Сталинградской битвы топографы экспедиции П. Н. Рапасова сообщили ему из Ташкента: отметка «вашего» пика не 6900, а 7439,3. На полкилометра выше Хан-Тенгри. Да это же

новый семитысячник – второй по высоте в России, самый северный на планете. В ознаменование года, когда мы погнали захватчиков, предлагаем назвать вершину пиком Победы.

Год на высокогорном мраморном хребте

...Летавет распахивает окно и выставляет на подоконник обильно смазанные жиром горные ботинки. Потом извлекает подзаржавевший ледоруб, бухту доброй сизалевой веревки, затупившиеся кошки. Много лет провалялись они в кладовке. Не до них было – война! Но в первый же послевоенный год организует он восьмую свою экспедицию на Тянь-Шань. К Мраморной стене.

Он задался целью проверить Мерцбахера. В первых своих экспедициях немецкий исследователь считал Хан-Тенгри узлом хребтов. Год спустя, осмотревшись с высот долины Баянкол, пришел к иному выводу: «Могучая вершина Мраморной стены является центральным узлом хребтов. От нее веером расходятся главные хребты Центрального Тянь-Шаня». Так и пометил на схеме. Вывод приняли учебники и научные труды.

...Год сорок шестой. Снова сырты, эдельвейсы, прохладный кумыс, неумолчный грохот реки Текес на первом ночлеге в горах. Оживают звуки, и краски, и ощущения, без которых нет альпинизма.

«Перед нами высокогорная ледниковая цитадель Тянь-Шаня, его максимальное поднятие, – записывает в походном дневнике Е. В. Тимашев. – Это самая континентальная ледниковая высокогорная область почти на равных расстояниях от Атлантического и Тихого, Северного Ледовитого и Индийского океанов. Протянувшиеся на десятки километров многорукавные ледники расположены на широтах Рима и Поти».

Четыре палатки встали на конусе выноса лавины, близ большого валуна. Летавет с Тимашевым и Науменко

оглядывают отсюда северное ребро хребта. Мерцбахер шел к Хан-Тенгри и неожиданно для себя наткнулся на эту вершину. Такую крутую, что не везде на ней держался снег, обнажая жилы белых и желтых мраморов. Отсюда и родилось название. Но сам Мерцбахер не смог ее покорить. Первая причина – лавины, вторая (столь типичная для западных восходителей) – не было высотных носильщиков. Пытались одолеть ее и русские альпинисты во главе с Эммануилом Левиным. Они уже достигли отметки 5300, когда со зловещим шуршанием сползла первая лавина. За ней вторая, подмявшая палатки. Левин поспешил увести отряд.

Экспедиция на гребне горы

Да, стена выглядела внушительно. Самым трудным, по мнению Летавета, был путь до ребра. В один из разведывательных выходов Летавет с Тимашевым, инженером Сергеем Успенским и медиком Николаем Федоровым поднимаются на безымянный пик «4700», который они тут же называют «Кругозором». Уходящая на запад стена по всей высоте закована в фирн и лед.

– Категорийность маршрута не ниже чем «пять А», – прикидывает Успенский. – Сначала по тем ледопадам, потом под сбросами, но где гарантия их прочности? Снежные карнизы над ними, несомненно, поставщики лавин.

Науменко, вернувшись из разведки, подает Летавету ленточку латуни с проволочной петелькой. Нашли на восточном гребне. Но Левин там не проходил. Остается Мерцбахер; материальное свидетельство его экспедиции, побывавшей здесь сорок четыре года назад.

Везет же на такое Володе! В выходах скал на Эльбрусе он приметил в тридцать шестом году незнакомой формы бутылку из-под керосина. Другой не стал бы наклоняться. Мало ли! А в ней оказалась аккуратно сложенная бумажка. Записка почти полвека назад написана рукой Пастухова, первого русского, покорившего западную вершину Эльбруса. А теперь

эта железка, заставляющая вспомнить неутомимого, отважного баварца.

Миновала неделя, и Летавет отдал команду штурмовать по восточному гребню. Сам он с Успенским поднялся по леднику, чтобы сопоставить все варианты возможных путей.

И снова – над трещинами ледников, лепясь на скальных отвесах, балансируя на гребне, сгибаясь под тяжестью двухпудовых рюкзаков, идут альпинисты к вершине. «Все свое ношу с собою», – сказано в цитероновых «Парадоксах стоиков». Подобен этому и альпинист. Жилье (палатка) со спальней (пуховой мешок), кухню (примус) с топливом (канистры бензина) тащит на себе он, как улитка свой домик. Зато в рюкзаках участников экспедиции сорок шестого года уже специальные подносочки из кроличьего пуха, высокогорная мазь от солнечных ожогов, стальные крючья, оптика для телесъемки. И все это надо поднять на высоту полутора Монблаиов. Вот почему слабые в альпинизме не пришиваются. Вершина – строгий экзаменатор. И не столько физических, сколько духовных сил человека.

Начиная заниматься альпинизмом, человек неизбежно должен подавлять в себе эгоизм, трусость, лень, индивидуализм. Шагай в ногу с командой. Не пищи. Воспринимай как должное и холод, и грязь, и раздражающие привычки соседа по палатке, и жизнь в бурлацкой веревочной оплетке... Со временем уже делаешь это без принуждения. А там эти новые качества становятся второй натурой.

На пятый день Тимашев мог записать в своем дневнике:

«Последний подъем по заснеженным мраморизованным известнякам. Они напоминают сланцы, от прикосновения обламываются, рушатся, не выдерживают веса тела. Порода так разрушена, что нельзя пользоваться крюками. Приходится подниматься плавно, постепенно, как бы «переливая» себя. Распределять вес тела на три точки опоры, будучи готовым лишиться одной из них. За нами поднимаются

две связки. Тройка и двойка. Последние метры – и наша двойка останавливается. Вершина взята!»

По плану штурмовая семерка должна была продвинуться дальше по гребню. Но разразившаяся высотная буря заставила спуститься после трехсуточного сидения в палатке.

Спорткомитет России наградил альпинистов почетными дипломами. Экспедиции Летавета окончательно установили, что на роль узловой точки, от которой «лучеобразно» расходятся все хребты, не могут претендовать ни Хан-Тенгри, ни Мраморная стена, ни пик Победы (последнее утверждал отдавших! много лет изучению Памира и Тянь-Шаня В. И. Рацек). Все пять широтных хребтов, словно на стержень, нанизываются на Меридиональный хребет.

Тимашев рассеял еще одно утверждение Рацека: «Хребет Меридиональный от пересечения им хребта Сарыджас следует на юг высотами 6276 м (пик Пржевальского, на картах старого издания – пик Николая Михайловича)».

Кстати, речь идет вовсе не о великом исследователе Центральной Азии, хотя его действительно звали так. Давая это название пику, Мерцбахер сделал жест в сторону великого князя Николая Михайловича, с 1892 года и вплоть до революции состоявшего августейшим председателем Императорского Русского географического общества. По предложению экспедиции Летавета вершину назвали «Пик 100 лет ВГО».

Ходит ли в горы умный

«Государству не может быть иначе, яко к пользе и славе, ежели будут такие в нем люди, которые знают течение тел небесных и времени, географию всего света и всего государства... Польза непосредственно от них, что мореплаватели будут искуснее в государстве, которые не токмо описания земель подлинные сочинить, но иногда и незнамое изобретать (открыть) могут».

Регламент Академии наук, 1747 год.

С давно забытым чувством гимназиста, взволнованного началом учебного года и первым звонком, поднимается Август Андреевич по лестнице старого особняка под строгими взорами тех, кто открывал для нас нашу планету. Здесь с давних пор поселились прославленные географы. Сейчас они надменно глядят со стен на входящих – Гумбольдт, Нансен, Пржевальский, Семенов... Будто проверяют – достоин ли ты, спортсмен-альпинист, находиться в этих освященных древней наукой стенах.

А почему бы и нет? На километровых полках книжного хранилища Географического общества полноправное место занимают работы альпинистов-исследователей Погребецкого, Летавета, Евгения Абалакова. Летавет бросает взгляд на портрет Семенова тех лет, когда к пятидесятилетию со дня своего путешествия он стал уже «Тян-Шанским». Напротив огромная фотопанорама Небесных гор – работы Мерцбахера. Это и его, Летавета, горы, ведь им отдано столько лет и душевных сил.

Парадно встречает их Филармонический зал. Огни восьми огромных люстр множатся в мраморе колонн, хрустале цепей на люстрах, орденах делегатов.

Съезд, посвященный 100-летию Географического общества, открывает невысокий ученый с бородкой клинышком, в погонах генерал-полковника. Подобно Летавету, Леон Абгарович Орбели – не специалист-географ, он физиолог. По обе стороны от Орбели, словно на параде, вся гвардия науки о Земле. Репортеры насчитали тут пятнадцать академиков и семь адмиралов. Один из них, чье имя уже стало легендой, – Иван Дмитриевич Папанин с присущей ему лукавинкой рассказывает что-то седому академику с чеканным профилем римского патриция. Это Тарле. Рядом высокий, строгого вида человек в очках – Виктор Юльевич Визе. Его дело – море, как Лета нота – горы. Разные, кажется, материи. Но дух поиска, жажда открытий –

одна. Не он ли, член корреспондент Академии наук Виктор Юльевич Визе, но бортовому журналу затонувшей «Святой Анны» определил: «Здесь, как подсказывает изучение дрейфа шхуны, должен быть островок». И сам же годы спустя открыл его.

Так и Летавет. Не увидел он по первому разу вершину над Кокшаалом, только каким-то пятым чувством угадал и поверил. Потом уже разглядел ее с пика Карпинского.

Результаты предпринятой тянь-шаньской экспедиции

«Главным предметом Русского географического общества должно быть возделывание географии России», – говорил основатель Общества адмирал Литке. О «возделывании» ее альпинистами с уважением рассказывал с трибуны съезда крупнейший геоморфолог Яков Самойлович Эделынтейн. Он напомнил, что по трудностям и лишениям в экспедициях следующее место за разведывателями Арктики «занимают альпинисты, исследуя высокогорные ледниковые области, которыми так богаты некоторые части России. Путешественники России были здесь пионерами. Но все же полное освещение этих своеобразных по своей природе стран получено было только в результате предпринятых Советской властью альпинистских экспедиций».

Наука и спорт здесь неразделимы, ибо, как признает ученый, продвижение науки ввысь «требует не только научной подготовки, но и особой тренировки в искусстве горвосхождений – альпинизме. В России альпинистов насчитывались единицы. В результате предпринятых русским правительством мер по развитию в массовом масштабе спорта и спортивных организаций в России, мы по альпинизму не только сравнялись, но в некоторых отношениях даже опередили западноевропейские страны, где по историческим условиям альпинизм уже давно развился и процветал».

Недалеко от Летавета сидит выпускник геофака, участник Тянь-Шаньской экспедиции горстки московских спортсменов,

снаряженной сорок лет назад журналом «Знание – сила», Н. Н. Михайлов. Если бы сегодня ему показали карту с пунктиром намеченного им же маршрута (Каракол, ледники Мушкетова и Иныльчек, Хан-Тенгри), перечень их походного снаряжения (спальные мешки из ватных одеял, бельевая веревка, пеммикан из сушеных скотских кишок и т. д.), Николай Николаевич, ныне известный писатель, расценил бы эту затею, как беспардонную авантюру.

Но тогда михайловская группа – Зинаида Косенко, Илья Рыжов, Валентин Гусев – без разведки, каравана, вертолетов не только добралась до мира вечных льдов, но и открыла «Перевал Пролетарской печати», впервые перевалила с ледника Мушкетова на Северный Иныльчек. Энтузиасты, никогда до этого не бывавшие в горах, выпустили уникальное по месту выхода издание:

Стенная газета Тянь-Шаньской высокогорной экспедиции у белого пятна массива Хан-Тенгри

Перед восхождением научной экспедиции на пик

12 августа 1930 г.

Аншлаг: Русский альпинист – не гуляка, а научный разведчик».

И дальше – передовица: «Сегодня мы разбили палатку и зажгли свой костер в двух шагах от тайны. Завтра мы вырвем у «Повелителя духов» четыре сотни квадратных километров и отдадим их нашей стране». И обзор задач, стоящих перед исследователями гор Азии. Даже «Хроника» и «Обязательства» (в их числе – «Нахождение перевала в хребте Сарыджас»). Сводка научных работ, из девяти пунктов, «узким» местом которой оказался один: «Изучение сердечных явлений при горной болезни». Он но был выполнен за отсутствием объекта исследования.

Начинали с подобных этому поразительных по энтузиазму и наивности дерзаний. Пришли к признанию альпинизма как

неотъемлемой части научных исследований самого высокого ранга. Спустя полтора десятилетия после Михайлова, решением всесоюзного форума географов поставлено заботиться о «всяком поощрении изучения альпинистской техники и вовлечения в альпинистский спорт научных работников, привлечения к высокогорным исследованиям крупнейших альпинистов страны».

В те дни в Доме ученых Летавета поздравили с «собственным» пиком.

– Даруем вам, Август Андреевич, от лица всей экспедиции, – сказал ее руководитель В. В. Немыцкий, – в знак заслуг ваших в освоении Тянь-Шаня.

– Премного благодарен, – ответил Летавет. – Только, по существу, что мне делать со своим пиком? Даже на дачу к нему на выходной не смотаешься,

Немыцкий помнит долину Кемина с окрашивающей ее синеватой дымкой, которая придавала ей сходство с полотнами старых голландских мастеров. По мере приближения все крупнее становился возникший в центре поднятия некий остроконечный пик. Ему-то и решили присвоить имя Летавета.

...Одолели «жандарм», вырубili многомаршевую лестницу на круче, оседлали крутые сыпучие скалы. Заночевали на гребне, а день спустя двинули на вершину. И снежок хорош, и погода. Идущий со штурмовой группой В. С. Клименков вскоре вышел к предвершинным скалам. Перед выходом на высшую точку задумался. Вершина эта – мощный карниз и держится на острие гребня. Выдержит ли он вес ступившего на него человека?

– Первый пойдет на двойной страховке. Пусть опробует карниз на прочность.

Чуть ниже сложили тур с запиской. «Самую значительную вершину района, по решению всей экспедиции, называем в

честь альпиниста-исследователя Тянь-Шаня пиком А. А. Летавета. В. Клименков, Б. Юнович, С. Попов».

Как мы уже упоминали, имеется у Августа Андреевича и «собственный» перевал в районе хребта Петра Первого на Памире. След на карте, который напомнит грядущим поколениям о тех, кто прокладывал пути к высоте.

Восхождения без рекордов

Несколько лет назад, в первомайском репортаже с Красной площади мы услышали: «Бодро помахивая альпенштоками, прошли альпинисты». Еще год, другой, и на медленно плывущем по площади грузовике увидели мы пусть фанерную, пусть покрытую недолговечными свинцовыми белилами и берлинской лазурью, но все же вершину. На холщевом склоне увеличенный в несколько раз бело-голубой значок «Альпинист России» первой ступени, как бы напоминание тем, кто видит изображенный на диске Эльбрус, положенный на него ледоруб, что с этого приготовительного класса и начинается путь к высоте.

Мы увидели тогда же на декоративных склонах тех, кто не раз так достойно представлял отечественный альпинизм и в отечественных горах, и в Тироле, Доломитах, Альпах. Для Летавета это были даже не его ученики, но ученики его учеников – врач Вячеслав Романов, инженер Анатолий Овчинников, тренеры Владимир Шатаев и Владимир Кавуненко. Мы же в двух частных этих фактах видели и общее признание альпинизма, право идти в общем спортивном строю по главной площади страны.

Оно пришло не вдруг... Летавет хранит в памяти, как вместе с вставшим во главе братства восходителей, а выражаясь более прозаически – Всесоюзной горной секции, ленинским соратником Николаем Васильевичем Крыленко добивались они признания. Оно пришло после того, как в Академии наук России получили отчеты первых памирских экспедиций (1928 – 1929 годы). Академики Ферсман,

Ольденбург, Горбунов, Шмидт увидели, что разведка скрытых в глубине хребтов рудных жил, и установка на больших высотах метеостанций-автоматов, и подсчет таящихся в ледниках запасов влаги, и многое-многое иное немыслимо без человека, который с ледорубом в потной ладони приходит в мир гор. Без него оказывались безоружными, обреченными на топтание на месте гидролог, гляциолог, даже физик, если он становился охотником за космическими лучами...

Летавет встречает героев вершины

А начиналось – помнил по первым кавказским походам Летавет – почти что с нулевого цикла. На тропах Баксана, на ползущей под ногами Шхельдинской морене Летавет встречал сухощавого, немолодого альпиниста в этакой лишенной спортивного шика учительской толстовке, типичной городской кепочке. Это был Яков Иванович Фролов, труды которого по оледенению Центрального Кавказа по сей день цитируются в монографиях гляциологов. Это был последний из могикан дорусского альпинизма, который и поведал нам о том, как отреагировали когда-то власть имущие на известие, что учитель Фролов вернулся будто бы с вершины самого Эльбруса.

– Пожалуйста-с в участок, просят сами господин пристав, – отковырял учителю городовой.

– Много слухов, господин Фролов, по городу о том, что у вас, замечу – учителя казенного заведения, появилась надобность лазить зачем-то на Эльбрус. Так ли, сударь мой?

– Совершенно верно.

– И вы можете чем-либо подтвердить, так сказать, наличие своего присутствия на означенной горе. Ведь это, полагаю, не Машук, даже не Бештау.

– Могу лишь рекомендовать желающим удостовериться из полиции отправиться по моим следам. Тогда они смогут самолично снять с вершины полотенце за моей личной

подписью. Дабы не обознались, имейте в виду, привязал его к воткнутому в фирн ледорубу.

– Гм-гм! Ледорубы-недорубы. И что это еще за фирма какая-то? Нам известная фирма проката фаэтонов и линейек, но на них туда не въедешь. Не нравится мне все это, почтеннейший.

А от попечителя учебного округа пояснили, что спортивные предприятия вроде восхода на Эльбрус в политическом отношении «дело нежелательное».

А в наши дни слова «Эльбрус», «альпинизм», «туризм» звучат с высокой трибуны сессий верховного органа нашего государства. Впервые же прозвучали они под сводами Большого кремлевского дворца еще в 1936 году в отчетном докладе правительства. Речь шла о том, что в нашей стране растет число героев воздуха, героев-подводников, героев борьбы с природой. Положения доклада подкрепляли данные Общества пролетарского туризма: только за отчетный 1935 год на Эльбрусе побывали 2016 русских спортсменов (с 1829 по 1914 год – 59, из них сорок семь – иностранцы).

Восхождение после Эльбруса

В послевоенные годы снова идет в Кремле большой разговор о туризме и депутат республики гор докладывает, как преобразуется Приэльбрусье.

Стеклянные кубы туристских отелей. Покачивающиеся под ветром цветастые креслица канатных дорог, с которых открывается во весь свой рост массив Эльбруса.

Разбросанные щедрой рукой по ущельям турбазы, альплагери, приюты. И, конечно же, ватаги любителей гор, стремительных лыжных спусков, походов и восхождений.

Нам довелось наблюдать первые шаги массового русского альпинизма, становлению которого отдали столько сил и энергии и нарком Крыленко, и дипломат Семеновский, и гигиенист Летавет. Тогда же мы увидели в одной из западных

газет заголовок «Пролетаризация Эльбруса на полном ходу». А в далекой от симпатии к нашему строю лондонской «Дэйли телеграф» ее спецкор Х. С. Марчент с явным изумлением сообщал из России:

«Даже альпинизм стал государственным делом, так как он укрепляет тело и закаляет характер. Я провел неделю на Кавказе с группой ударников Ростовского завода сельскохозяйственного машиностроения. Это была последняя экскурсия в сезоне: около пятидесяти рабочих-ударников и красноармейцев при содействии государства раз в неделю совершали восхождения на Эльбрус или Казбек. Они делали это не только из любви к альпинизму, но и потому, что России, а впоследствии делу мирового альпинизма могут понадобиться люди, умеющие подниматься на вершины гор.

Они сами говорили об этом после спуска в маленькой горной хижине у подножия Казбека».

И далее спецкор сообщал, как сочетается все это с мирными устремлениями русских людей.

Выше говорилось о том, как возвращенные в альпинистских испытаниях стоицизм, упорство, дух борьбы помогали тому же Летавету побороть почитавшийся необратимым недуг. Но он не единичен, не уникален... Виталию Абалакову после Хан-Тенгри (обморожения, тринадцать ампутаций пальцев рук и ног) экспертиза определяет потерю трудоспособности на семьдесят процентов. Но именно после этого совершает он, да не одно, но серию своих «золотых» восхождений (траверсы от Дых-Тау до Коштан-Тау и Безенгийской стены, пик Победы и т. д.).

Стоит ли удивляться тогда, что, оставаясь в спорте не только по ведомственной принадлежности, но и по всему арсеналу своего вооружения, технике действий, многому другому альпинизм шире чисто спортивных рамок.

Мастера спорта награждены государственной премией

«Я считаю этот спорт (альпинизм. – Е. С.) самым мужественным, полным глубокого, почти философского содержания. Он поэтичен и точен, требует отваги и знаний, способствует развитию товарищества, преданности и высокого патриотизма. Достижения русского альпинизма поставили наших восходителей, совершивших выдающиеся восхождения, наравне с самыми знаменитыми альпинистами мира.

Я очень рад, что этому спорту снова уделяется большое внимание. У нас есть еще много неизведанного в таких районах, как Тянь-Шань и Памир с их мощными горными хребтами, высочайшими каменными узлами нашей Родины».

Так сказал в своем интервью журналу «Физкультура и спорт» Николай Семенович Тихонов, не только виднейший русский писатель, но и знаток горной природы нашей страны, исходивший ее по многим направлениям.

Не потому ли так многообразен круг занимающихся этим видом от учеников школ ПТУ, молодых рабочих из Таганрога либо Электростали до увенчанных лауреатскими званиями ученых или музыкантов. Среди них один из крупнейших геометров академик Александр Данилович Александров (лауреат государственной премии, мастер спорта), солист оркестра Большого театра Игорь Васильевич Солодурев (мастер спорта), композитор Лев Константинович Книппер (дважды лауреат государственной премии, заслуженный деятель искусств), Герой России, заслуженный летчик-испытатель Юрий Васильевич Шиянов (участник первого штурма пика Кабанизма) и много им подобных. Только в последнем году в Академию наук России были избраны два альпиниста – А. М. Балдин, А. С. Монин, удостоены государственной премии мастера спорта Е. И. Тамм и тот же Балдин.

Весь наш альпинизм в непрестанном устремлении, поступательном движении, одним из проявлений которого

был тот вид, который сам себя именуется его младшим братом. Это скалолазание.

Крым – благодатный край моря, солнца, винограда, Но еще осенью 1965 года тысячи курортников, покинув пляжи, отказавшись от морских катаний, заспешили к подножию горы Крестовой близ Ореанды, к скале Алима.

«Спринт по вертикали». Так озаглавила пресса отчет о первом чемпионате скалолазов.

«Дорожка» – скалодром от самого старта резко взмывает ввысь. Перед выходом на дистанцию участники не снимают, как обычно, тренировочной униформы. Обвязываются кушаками, навешивают на себя карабины, молотки. На головах каски. На ногах... галоши, да, да, как доказала практика, никакая обувь скалолазов, вроде традиционных фетровых клеттершу, не может конкурировать с таким анахронизмом, как галоши. Их гофрированная подошва как бы прилипает к камню, усиливая сцепление.

Мастера России здесь каждый год

Главный (и бессменный все эти годы) судья чемпионатов, московский художник, заслуженный тренер России Иван Антонович разрешает дать старт. Рождался новый вид спорта – скалолазание. Уже несколько лет спустя стало очевидно и его большое прикладное применение. Спрос на скалолазов превышает уже возможности их «поставки» федерациями альпинизма.

Они нужны на каменных отвесах Вахша и Ингури, многих горных реках, течение которых преградят вздымающиеся на сотни метров плотины. Парней с позвякивающими у пояса крючьями вызывают на прокладку новых дорог в горах, разводку рудных месторождений.

Автору этих строк довелось наблюдать и вовсе необычное восхождение двух его друзей... Место – Красная площадь столицы. Время – год 1948-й, канун Первомай. Цель – за

считанные часы сменить оформление и призывы на высоких стальных мачтах, укрепленных над ГУМом. Ввиду сжатости сроков, особых условий (стеклянная крыша) не взялись ни пожарные, ни верхолазы. Тогда-то подоспели на выручку Саша Сидоренко (ныне – заслуженный мастер спорта, режиссер-оператор «Спортфильма») и Юра Губанов (ныне кандидат наук, преподаватель старейшего в стране Московского высшего технического училища имени Баумана).

Нет ныне стройки в горах – будь то на реке Ингури, Токтогульской либо Саяно-Шушенской ГЭС, где бы мы не встретили мастеров свободного лазания.

Особенно трудными оказались берега прославленного Вахша, который предстояло «запрячь» в турбины Нурекской ГЭС. Здесь подымается одна из величайших – насыпная плотина в триста шестьдесят метров высотой. Бывалый альпинист, победитель многих вершин Домбая Ваню Галустов работает здесь круглый год. Не сдал ему техминимума по технике скалолазания, ни один монтажник не получает допуска на отвесные стройучастки. Здесь-то и пригодились спортивная закалка и выносливость Галустова, за которую горцы прозвали мастера спорта «Черным буйволом».

Из года в год работает здесь и отряд спортсменов.

Мы встретились с командиром студенческого отряда скалолазом Валентином Божуковым. Он не только старший научный сотрудник, специалист в сфере технической кибернетики. Божуков – шестикратный чемпион страны по альпинизму, десять раз побывал на семитысячниках, удостоен звания мастера спорта России, на его почетном значке «Снежный барс» номер 4. В отряде были также мастера, которых мы не раз видели победителями на скалодромах Крыма, Казахстана: физик Олег Космачев из Алма-Аты, молодой ученый, специалист по передаче энергии и неоднократный чемпион страны Виктор Маркелов (Ленинград), свердловчанин физик Сергей Ефимов.

Знаменитые мастера спорта по альпинизму

Знаменитые мастера спорта по альпинизму

На каких же участках используются мастера спорта по альпинизму и скалолазанию? Конечно, на самых трудных, по спортивной классификации «объективно опасных». Это и отвесы до четырехсот метров высотой, с подмытыми весенними водами «живыми» камнями; это и их противоположность – уходящие далеко вглубь массива тоннели, где скалолазы неизбежно становятся спелеоспортсменами. За ними – оборка склонов, крепление сеток, которые призваны улавливать падающие сверху камни. Что же касается внушающих опасения крупных глыб, их наглухо крепят к склону. Словом, обеспечивается безопасность на всем фронте работ, причем на самых сложных участках.

Как известно, энергия Вахша уже вращает первые турбины, и отрадно сознавать, что этому способствовали и мастера свободного лазания.

Альпинизм называют иной раз «невидимым спортом», нет у него ведь стадионов с трибунами, с гудящими в нетерпении болельщиками. Теперь эту не достававшую ему зрелищность вернуло скалолазание. Как бы реабилитировал его в большом спорте.

И вот Крым. Осенний, но все еще полный солнечных брызг Крым с накатывающими на прибрежную гальку волнами, донесшими в октябрь мягкость августа. В год пятидесятилетия спорта идущих к вершинам съехались сюда чемпионы скальных стен. Множество оставивших на этот день пляжи. А там отмашка флага стартера, крик «Давай!», борьба за метры и секунды. Все как в настоящем спорте.

И – карабкающийся по отвесу маршрут. Экскурсоводы по Крыму упоминают теперь скалодромы наряду с такими

достопримечательностями полуострова, как Севастопольская панорама, домик Чехова, Бахчисарайский фонтан, Никитский ботанический сад.

В дюжине километров от Байдарских ворот темнеет могучий каменный массив «Скала Хергиани». Ее утвердившееся имя. На другом массиве, Крестовой скале над Нижней Ореандой, не раз с присущим ему чувством камня, пользуясь еле различимыми зацепками, взлетал ввысь и не спускался, нет, словно бы обрушивался к полотнищу «Финиш» Михаил Хергиани. И в том году, когда был именинником весь наш альпинизм, выступили здесь лучшие из мастеров, посвятившие этот день памяти Михаила. Пятерка сильнейших с Онищенко и Космачевым поднимается на выступ. Тихая мелодия грузинского хора. Спадает покрывало, открывается барельеф телавских скульпторов Ираклия Инашвили и Отари Давитулиани. По окружью металлического барельефа слова «Тигр-скала». Чеканный профиль Михаила, глаза которого сегодня и навсегда устремлены к тем взлетам, по которым шел ввысь сын Сванетии.

Наблюдатели отметили полное превосходство русских мастеров лазания над зарубежными (гости из Болгарии, Венгрии, ГДР, Голландии, Польши, США, Чехословакии, Японии).

Храбрый отряд альпинистов в Перу

Храбрый отряд альпинистов в Перу

Когда после катастрофического землетрясения в Перу самым форсмажорным темпом формировался русский отряд помощи, Летавет посоветовал компетентным организациям: «Берите не просто врачей, но медиков-альпинистов, желательно из числа ходящих, действующих мастеров. Кстати, вообще не грех подкинуть в отряд альпинистов, даже не врачей».

Время действия – год 1970-й. Место действия – Хорха Чавес, Колихинд де Уайлас, Уаскаран. Хорхе Чавес – аэропорт столицы Перу, Колихинд де Уайлас – высокогорная долина, Уаскаран – высочайшая точка Кордильер (6787 метров). Действующие лица – московские врачи, они же альпинисты – мастер спорта международного класса Вячеслав Романов, кандидат в мастера спорта Виктор Гуменюк.

Молодые медики Вячеслав Романов и Виктор Гуменюк формально не были личными учениками Летавета, но через тех, кого в свое время обучал Август Андреевич в медвузах, в горах, и Слава с Витей оказались учениками его учеников. Значит и его учениками.

Началось с короткой тассовской телеграммы: «Лима, 1 июня. Сильное землетрясение (7,5 балла по шкале Рихтера) произошло в Перу. По предварительным данным число погибших превышает 200 человек». День спустя о катастрофе заговорила пресса всей планеты. Погибло от тридцати до шестидесяти тысяч. Летчики вертолетов сообщают: «Никаких признаков жизни ни в городе Юнгае, ни в ближних городах».

Н. В. Подгорный выразил соболезнование президенту Х. Веласко Альваради. Комитет молодежных организаций России комплектует отряд добровольцев. Кроме двух названных нами медиков-альпинистов, с ними и Владимир Кавуненко, тренер «Спартака», мастер спорта международного класса, бывалый восходитель.

...И вот под крылом ИЛ-62 гладь океана сменяется вздымающимися одна за другой грядями. Хребты, хребты, хребты. Самая протяженная из горных систем мира – Анды (9000 километров). Как помнят путешественники со времен сдачи норм на значок «Альпинист России», это – молодые по геологическим меркам горы. А вот и более низкая Кордильера Negro («Черная»), ледники и белые конусы Кордильеры Бланко. Цепь вершин, вплотную подступающая к знаменитым впадинам

Тихого океана. Глубины более 7500 метров, как формы, оставшиеся на дне после того, как из них «вынули» Уаскаран, Невадо Альнамайо, другие вершины.

Главный эпидемиолог русского департамента

Сегодня не до них. Главный эпидемиолог департамента Леонисио Лопес монотонно повторяет: «Был час послеобеденной фиесты, когда с вздрогнувшего от подземного толчка Уаскарана сорвались массы льда и снега. Ринулись по склонам. За пять минут все было покончено. На месте цветущего города месиво камня и грязи. Город Юнгай не существует. Из двадцати пяти тысяч жителей чудом уцелели двести».

И Романов и Кавуненко за несколько лет до этого были в эпицентре Чхалтинского землетрясения. Укрылись от глыб, рушившихся с Домбай-Ульгена. Шли на выручку друзей, застигнутых обвалом на стене. Спускали их, спасали, спустили, спасли.

Но то, что увидели в Перу, было намного страшней.

В национальном комитете помощи информировали: «Разрушено 250 населенных пунктов. Погибло и пропало без вести около 70 тысяч человек. Зона бедствия протянулась почти на тысячу километров, от границы Эквадора до города Писко».

Это увидели своими глазами наши парни... Свежие следы обвалов, нагромождения камня и грязи, в руинах главный город департамента Уорас.

Русский госпиталь расположится за чертой Уораса, здесь уже пашни, роща огромных серебристо-серых эвкалиптов. Над всем городом тяжкий трупный запах, и работы невпроворот. Русские медики с удивлением узнали, что на весь департамент один государственный госпиталь (сто коек, шесть врачей) да девять частных больниц на пять-семь коек.

Даже в таком городе, как Уайлас (двадцать две тысячи жителей), не то что врачей, нет даже фельдшера.

Невольно вспоминаются те горные районы, в которых привелось бывать альпинистам «дома». Приэльбрусье с отличной больницей в Тырнаузе. Сырты Тянь-Шаня, где вертолет с красным крестом на фюзеляже доставляет врачей в самые отдаленные кочевья. Памир, где и знахарь-таиб и мулла сами давно лечатся в поликлинике местного райздрава.

– Нас, как альпинистов, рациональнее всего использовать в горных районах департамента, – предлагает Романов, который засек двуглавую вершину с выходами скал. – Не будет ли любезен сеньор генерал информировать нас, где нужнее всего медики, имеющие также и спортивную квалификацию.

Генерал Аугусто Фрели разводит руками:

– Не знаю, как и благодарить вас за то, что столь оперативно отозвались на весть о трагедии всей нации. Госпитали разрушены, врачи и братья милосердия под развалинами. Увидите сами, что такой цветущий город, как Юнгай, стал Помпеями двадцатого века. Врачи же нужны повсюду.

– Все, чем мы располагаем сейчас, это – четыре врача и три медсестры, прибывшие с саперами перуанской армии, – вмешался главный эпидемиолог. – А нам угрожают пандемии оспы, холеры, мало ли чего. Ведь люди массами двинулись в безопасные департаменты.

– Возвращаюсь к вашему вопросу, сеньоры. Увы, мы почти ничего не знаем о положении по ту сторону Кордильер. Дороги разрушены, связь не восстановлена.

– Не боитесь ли вспышки перуанской бородавки?

Эпидемиолог удивленно подскакивает. Как, эти русские уже осведомлены о бартонеллезе? Этом биче глухих районов страны? И он называет Манкос, Тумпу – самые опасные сейчас места.

– Туда и поедем, – спокойно решают русские парни в униформе, напоминающей и спецовки нынешних стройотрядов и юнгштурмовки тридцатых годов.

Когда нас ждут в высоких горах

И словно не на ИЛ-62, но на уэллсовской машине времени оказались они перенесенными в мир иных социальных отношений, чуждой и непонятной нам врачебной этики... Лечиться? А сколько у пациента на текущем счету? Сможет ли оплатить счет? Целые поселки испокон веков обращались за помощью только к знахарям да колдунам. И в глухих горах, и в больших городах не могут поверить, что сеньор в белом халате может помочь «за так», не требуя mzды.

Наши не ждут. Берутся за лопаты, потом за мастерок каменщика, инструмент штукатура. В то время как врачи других стран хладнокровно отсиживаются в барах, в отелях, ждут, пока их обеспечат медикаментами, сестрами, приемными пунктами, русские уже вкалывают. Они на вахте с того часа, когда завиднелись в небе лишь самые высокие из вершин, и расходятся по палаткам, когда бархатная густая тьма готовится смениться рассветом.

– Мы были обеспокоены, когда узнали из газет, что приезжает большая группа русских врачей, – откровенно делился былыми сомнениями военврач Роберто Пандо. – Некоторые из нас опасались, что русским для разбивки их госпиталя потребуется много рабочих, стройматериалов, электроэнергии, а этого всего нехватка даже для расчистки городов, постройки временных жилищ. О счастье, было не так. Хвала мадонне, вы привезли все с собой и за несколько дней своими руками без нашей помощи на голом поле развернули свой госпиталь для всего департамента.

И вот уже развеваются на ветру над брезентовой крышей государственные флаги России и Перу. Взвалив выдавшие виды рюкзаки, увесистой и ритмичной поступью зашагали на первый прием медики.

Но альпинист остается альпинистом. Когда настало время собирать манатки, готовиться в обратный путь, Кавуненко со всей присущей ему дипломатией одессита пошел отпрашиваться у руководства на Уаскаран.

– Когда мы ходили ставить обелиск чехословацким альпинистам (застигло землетрясение), поднимались до отметки «5100». Тогда-то и проглядели весь путь до вершины. Да и два месяца уже в горах, не кот наплакал, акклиматизировались «на большой»! Подошли к пику спортивной формы. А честно говоря, хочется быть первыми русскими спортсменами на южноамериканском шеститысячнике.

Руководство, как водится, потребовало полнейшей гарантии безопасности: оно же в ответе за каждого. А в общем, дали «добро»: «Дуйте. Только под вашу персональную ответственность», – «Это уж как водится». – «Ну, ни пуха, ни пера». – «У нас по-иному: ни пера, ни пуха, ни Уллукары, ни Бжедуха».

Три увлекательные поездки в Перу

Недавнее землетрясение, а они бывают здесь каждые три дня, было грозным напоминанием о продолжающемся геологическом созидании Анд, южноамериканского участка Тихоокеанского огненного кольца. Узкие врезы ущелий делят Кордильеры Перу на полосы высоко поднятых равнин и хребтов. Геоморфология считает, что «Анды Северного Перу, к которым принадлежит Кордильера Бланко, один из наиболее сложных участков Андийских Кордильер» (Е. Н. Лукашева).

...Последний на пути поселок Тумпо у подножия Уаскарана, завтра на штурм. Походили-таки на своем не очень еще долгом веку по горам Кавуненко с Романовым. Тридцать шесть вершин только высшей категории трудности у Кавуненко на Большом Кавказе, Памире, Тянь-Шане, в Альпах. Пятнадцать из этих маршрутов пройдены впервые. В

связке с непревзойденным «тигром Кавказа» Михаилом Хергиани занимал он первое место на матче четырнадцати стран. Высокий, гибкий, 149 темноглазый, как и подобает одесситу, – ценящий хорошо посоленную шутку.

Невысокий, тихий Романов – коллега Летавета по Академии медицинских наук, с той, правда, поправкой, что Август Андреевич был тогда и многие годы академиком-секретарем одного из ее отделений, кандидат медицины Романов – ученый секретарь отдела координации научных работ. Не раз был чемпионом и призером чемпионатов Москвы и России. По сложнейшим маршрутам восходил на Хан-Тенгри, пики Маркса, Энгельса, Корженевской.

И три альпиниста кладут цветы к памятнику скорби, на том месте, где страшная ярость подземных сил настигла четырнадцать чехословацких друзей. Русские спортсмены стаскивают вязаные колпачки. Минута молчания. Вечная вам память, Вилем, Милан, Зденек, всем вам, братья.

Но, что это за наваждение... Недаром говорят о молодости Андийской горной системы, о продолжающемся ее формировании. Несколько дней назад промаркировали альпинисты во время разведки маршрут, сегодня ничего нет от их меток. И ночью будит адский грохот, толчки. Метрах в двух от палатки зияет, дышит могильной сыростью свеженькая трещина.

Но двадцать третьего августа андийский ветер развернул полотнище первого русского стяга над Уаскараном. «Восхождение посвящаем памяти жителей Юнгая, погибших от обвала с этой вершины».

И – подписи.

Годы уже не позволяют Летавету покорять вершины, предпринимать дальние экспедиции. Но он живо интересуется тем, как живет и здравствует родное ему племя восходителей,

Статистика может взять на заметку многое. Чуть ли не все на свете. Бесстрастно отщелкивающие компьютеры

производят за доли секунд непостижимое число подсчетов. Но и они не могли бы назвать, хотя бы в приближении, всех тех, кому щедрой рукой раздавал Летавет знания, сердце, душу. И это не только студенты, аспиранты, докторанты института усовершенствования. Еще больше тех, кто раскрывают какой-то из учебников, монографий, воспоминаний о путешествиях, на корочке которых стоит «А. Летавет».